Александр Гриценко

Избранное

СОВРЕМЕННИКИ И КЛАССИКИ

Александр Гриценко

Избранное: Проза. Драматургия. Литературная критика и журналистика

Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063806
Избранное: Проза. Драматургия. Литературная критика и журналистика: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2015
ISBN 978-5-906784-00-1

Аннотация

Широта диапазона Александра Гриценко поражает. В книгу включены повести, рассказы, отрывок из романа, две пьесы, большое количество критических работ, интервью, эссе, очерки. При этом каждое его произведение содержит нечто, делающее его непохожим на другие. Это прежде всего личный, самостоятельный взгляд на происходящее вокруг, умение понять «болевые точки» тех или иных событий и найти для рассказа о них свою форму, свои образы. Наверное, это и называется мастерством.

Содержание

От автора 5
Проза 6
Мнения критиков о повести «Сон о Ховринской больнице» 6
Сон о Ховринской больнице 7
Сон первый, в котором проклятое место свивается с сетью Интернет 7
Глава вторая 7
Сон второй, в котором голоса выносят приговор Сергею 9
Глава четвертая 9
Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор Сергею 11
Глава шестая 11
Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор 12
Глава восьмая 13
Глава девятая 17
Сон третий, который происходит он-лайн 19
Глава одиннадцатая 21
История первая (возможная). Вечный покой 23
История вторая (альтернативная) 26
Глава четырнадцатая В мире… 28
Мистер Майка 30
Гусариум 32
Триумвират. миссия: спасти Наполеона 33
Это было у зубного 51
Из цикла рассказов «Сны» 53
В тоннеле 53
Мальчик с разбитыми коленками 54
Метафизические черви 55
Безнадёга 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Александр Гриценко
Избранное: Проза. Драматургия. Литературная критика и журналистика.

© А. Гриценко, 2015
© Т. Осипова, составление, 2015
© Интернациональный Союз писателей, 2015

* * *

От автора

Недавно на литературных курсах, которые я веду при Союзе писателей, задал вопрос слушателям: как или кем вы себя видите в литературе? Ответы последовали разные. Иногда неожиданные. Кто-то говорил о больших тиражах, кто-то о признании его текстов академическим меньшинством… А вот мой друг детский писатель Саша Кругосветов ответил: «Я пока себя в литературе не вижу». Автор семи книг, его переводят на иностранные языки, а он себя в литературе не видит.

И вот я задумался. Мой трудовой литературный стаж, если его считать, как положено в Литфонде и Союзах писателей, то есть с момента первой публикации, – 19 лет. Если считать по системе Евгения Рейна, то есть с момента первой попытки сочинить художественный текст, – 27 лет. Я написал большое количество всякого разного и, когда ещё не имел никакого опыта и школы, я наваял несколько романов и десяток повестей. Сейчас я их никогда никому не покажу. А ещё я слагал стихи и даже публиковал их, но и это всё в прошлом. В этой книге я представляю только тексты, за которые получил литературные премии и признание, или просто то, что мне дорого.

Прочитайте и напишите мне «кто есть Гриценко в литературе». Читатель и определяет это. Вот мой электронный адрес: scotom@list.ru

По вопросам продюсирования можете звонить мне лично +7 903 22 88 903

Информационная справка от редакции

Гриценко Александр Николаевич родился 7 февраля 1980 года в Астрахани, в 2000 году переехал в Москву. Учился в Литературном институте им. М. Горького, перевёлся с 4 курса в Международный Славянский институт, окончил по специальности «Теория преподавания иностранных языков и культур», аспирант.

Драматург, прозаик, литературный критик, театральный режиссёр, литературный продюсер.

Председатель Международного правления Интернационального Союза писателей. Генеральный продюсер Продюсерского центра Интернационального Союза писателей. Организатор и директор Литературных курсов им. А. П. Чехова и М. А. Чехова. Первый заместитель главного редактора толстого литературного журнала Московской городской организации Союза писателей России «Российский колокол».

Десятки его учеников занимают ведущие позиции в современной литературе.

Лауреат литературных премий им. А. П. Чехова, им. И. Хемницера, им. Б. Шаховского, Национальной «Дебют». Дипломант литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», финалист премии «Нонконформизм» издательства «Независимая газета», финалист премии фестиваля фантастики «Роскон». Награждён ведомственными наградами Министерства культуры РФ и Министерства печати, а также региональными наградами. Всего несколько десятков. Подробнее можно посмотреть в Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гриценко_Александр_Николаевич

И еще ряд полезных ссылок:

Официальный сайт писателя: http://qricenko-writer.ru

Официальный сайт Интернационального Союза писателей: http://inwriter.ru

Сайт журнала Московской городской организации Союза писателей России «Российский колокол»: http://roskolokol.ru

Сайт литературных курсов им. А.П.Чехова и М. А.Чехова: http://literaturnye-kursy.ru

Приятного чтения!

Проза

Мнения критиков о повести «Сон о Ховринской больнице»

Текст Александра Гриценко вводит читателя в неожиданное пространство смещений, разрывов, смысловых и событийных сдвигов. Фрагментарность здесь – не просто формальный приём, но четко семантизированный, олицетворяющий эпоху и современное сознание тип осуществления всякого жеста, движения, если угодно – сюжета. Странная логика сна принципиально отлична от привычной линейности, она вариативна и даже обратна – но, быть может, порой боже похожа на реальное течение жизни, нежели унаследованное от критического реализма представление о непрерывности бытия и значимости событий (впрочем, и поздний Толстой, и Пруст задолго до авангарда осознали разрывность событийного вектора). Ужас обыденности и подлинная сентиментальность прорываются сквозь эти осколки дискурса – убедительно и жёстко. Быть может, только так, как пишет здесь Гриценко, и возможно передать драматическое (но и автоироничное) миросозерцание современного человека. Игра становится подлинностью, постмодернизм из кабинетного рассуждения превращается в набор свинцовых мерзостей жизни.

Данила Давыдов, обозреватель газеты «Книжное обозрение»

* * *

Эта повесть удивляет плотностью текста. Иному автору собранных в ней идей, персонажей и сюжетных поворотов хватило бы на большой роман. А может быть, даже на два. Здесь каждая строчка – словно напряжённый мускул, на котором нет ни капли дряблого жира. Откуда такая накачка? Сказывается драматургическое прошлое автора – умение писать скупо и филигранно, не разбрасываться словами, а бить ими в цель.

Четыре персонажа, и за каждым – отдельная новелла. Не раздутая, а нарисованная несколькими скупыми, предельно точными штрихами. Короткая главка – и персонаж вместе со своей историей стоит перед читателем, словно старый знакомый. Ещё одна – и судьбы героев странным образом переплетаются в непростой клубок.

Причудливым образом в такой же клубок переплетаются традиции устных народных страшилок, литературы фэнтези и хоррора, философской притчи и современной прозы. Но всё это не выглядит ни эклектикой, ни нарочитым постмодерном. Всё естественно и органично. Городская легенда даёт толчок для замысловатой истории с двумя финалами. Один немного мелодраматичный – словно у Коэльо. Второй – слегка циничный, как у Пелевина. Вместе же они производят странный, оригинальный и неповторимый эффект. Возможный только у Александра Гриценко.

Андрей Щербак-Жуков, обозреватель «НГ Экслибрис – Независимая газета»

Сон о Ховринской больнице

Сон первый, в котором проклятое место свивается с сетью Интернет

Сергею тысячу раз снилось это заброшенное здание: выломанные истлевшие рамы окон, полуразрушенные лестницы, стены, сплошь покрытые граффити, – нарисованные люди на них печальны, они словно знают что-то глубоко таинственное и предостерегают. Под рисунками надписи о смерти, о несчастной любви, о том, что друзья будут вечно помнить погибших тут и скорбеть по ним.

На стенах есть и отдельные непонятные слова. Что они значат, Сергей, как не силился во сне, не мог понять, – их окутывал какой-то странный туман, они расплывались. Но однажды он всё-таки увидел кое-что: знакомые ему надписи: writer, virgo, blank, chloe. Он узнал свой ник и ники близких друзей в ICQ и вообще в Интернете: на форумах, в блогах, в электронной почте – везде.

Откуда заповедные для него и его друзей слова появились в этом жутком месте? Сергей чувствовал безысходную пустоту, он понимал, что тут, где воздух склеивает гортань и встаёт комом в лёгких, где страх таится в каждом тёмном углу, где граффити с изображением проклятых печальных людей и траурные надписи вызывают тоску и страх, появление этих ников означает несчастья…

Обычно в этом месте Сергей просыпался и потом долго не мог прийти в себя, но сейчас сон продолжился. Он оказался на улице и увидел жуткое здание со стороны и вдруг вспомнил его…

Глава вторая
Хлоя и белый дым

Девушку когда-то звали Аня, но она поменяла своё русское имя на другое, странное: Хлоя. Она это сделала сразу после смерти матери – после того, как дым высосал из её мамы жизнь. Теперь Хлоя страшно боялась, что белый дым вернётся и за ней.

Этот дым ей часто снился: он тянулся из проклятого недостроенного здания через улицы спального района прямо к её окну, расползался по стеклу. Ей казалось, что дым не может войти в комнату, пока она не допустит ошибку, но вот какую именно, что ей нельзя делать, Хлоя не понимала и даже не чувствовала, в каком направлении думать. И от этого ей было пронзительно страшно: страшно до одурения, до удушья…

Сон обрывался резко, и Хлоя тогда понимала, что спасена.

Она лежала в холодном поту, разбитая, но счастливая. Потом ощущение грядущей беды возвращалось. Девушка осознавала, что это не освобождение, а просто отсрочка. Дурные предчувствия не оставляли её много дней… недель… месяцев: она боялась спать, не хотела ни есть, ни пить. Она думала о том, что же спасает её, и однажды наконец-то поняла.

Девушка вспоминала свою былую жизнь и вдруг во всём разобралась. Детство Хлоя помнила смутно, она жила без отца, но была залюбленным, избалованным ребенком. Мать делала всё, чтобы Аня ни в чём не нуждалась. Счастливое было время, но барышня, правда, не могла выделить ярких значительных деталей. Она влюблялась пару раз в школе, но не сильно. В тусовке девочек-мажорок большие чувства не были в моде.

На выпускном балу, как казалось Ане, у неё было самое красивое платье. К этому времени они с мамой жили в пятикомнатной двухъярусной элитной квартире недалеко от метро

«Пионерская». Их бизнес процветал: пять успешных салонов красоты, пять магазинов шмотья, в них продавали подделки под фирменную одежду. И вдруг что-то неожиданно надломилось, пропало то, на чём крепилось их счастье. Сначала эта основа только треснула, а потом совсем сломалась…

От них ушёл отчим, а так как он был партнёром по бизнесу, то пришлось отдать ему один магазин. Потом поставили диагноз маме. Именно перед этим Аня видела белый дым, он пролез через форточку, клубясь, что-то мелькало внутри него. Аня не разобрала сразу, что, но ещё больше перепугалась. Она попыталась присмотреться: какое-то зловещее, живое движение наблюдалось в середине клуба.

Дым задвигался по комнате, а за ним через щель в окне потянулся прозрачный хвост. Аня увидела, что мама вытянулась на спине, как покойник, а белый дым окутал её, стал непрозрачным и принял вид белого гроба без крышки – из домовины была видна только голова на белой подушечке.

Миг – и наваждение рассеялось: ни гроба, ни дыма, и мама спит на боку, но страх не проходил.

Она обошла кровать мамы и заглянула ей в глаза, та спала безмятежно. Девушка собиралась уже отойти, когда мать закашляла долго и мучительно. На лице отразилось страдание, будто кто-то грыз и рвал её изнутри.

Аня вдруг отчётливо осознала: мама скоро умрёт… Это было самое страшное мгновение в жизни девушки, но воспоминание о нём навело на мысль… Она вдруг поняла, почему её не трогал белый дым. Имя!

Когда появлялся белый дым, она слышала шёпот: дым или кто-то скрытый дымом повторял имя матери. Теперь Хлоя-Аня поняла: её спасает лишь то, что она поменяла имя! Пока Он не узнал об этом, ей ничего не грозит…

Дым она видела много раз, и всегда после его появления матери становилось хуже. Неизменно она слышала, как дым или кто-то из него шептал имя мамы!

Аня о дыме ничего не сказала, она даже не думала говорить о нём, словно что-то запечатало ей рот и заморозило мысли. Она наблюдала за происходящим как будто со стороны, как будто это было и с ней и не с ней.

В эти дни мать рассказала дочери об отце. Раньше спрашивать о нём Ане не то чтобы запрещалось, но и толку от таких вопросов не было – она попыталась в раннем детстве, но в ответ сделали вид, будто её не понимают.

Мать сама начала разговор за несколько недель до смерти. Хлоя потом вспоминала, как в полудрёме она лежала около умирающей матери и мечтала о своём сказочном отце. Он был англичанином и так и не узнал о том, что у него родилась дочь. Мать помнила его, в её словах о нём чувствовались горечь, надрыв.

Ане казалось чудом, что в ней есть английская кровь! Ведь Туманный Альбион в девичьих мечтах казался волшебной страной, там жили привидения, рыцари, принцессы, короли, королевы, великаны и победители великанов.

В детстве самой зачитанной была книга «Английские народные сказки». Она была влюблена в Англию и во всё, что с ней связано! И вдруг мама сказала, что её отец англичанин, то есть она имела отношение к сказке, пусть косвенное, но всё же. Мама не знала, где сейчас отец, и не рассказала о нём ничего конкретного, только то, что он был наполовину англичанином, а на другую половину ирландцем и преподавал в известном университете.

Несколько дней Хлоя прожила в грёзах об Англии, потом матери стало хуже, её увезли на сутки в больницу и вернули умирать домой. Жили они уже очень плохо, от былого не осталось и следа, и пыли. К этому времени они продали всё: магазины, салоны, шикарную дачу…

Элитную квартиру они обменяли на однокомнатную в дешёвом панельном доме. У них не было даже мебели, и мама долёживала свои дни на полу, а умерла она на старом стёганом одеяле, из которого в трёх местах лезла вата. Аня до последнего надеялась, что конец будет счастливым, но предчувствия её обманули.

Сон второй, в котором голоса выносят приговор Сергею

Глубокой ночью Сергею приснилось странное: около него встали трое невидимых людей и говорили, как с ним быть. Сначала молодой человек просто слушал их. Он помнил, что находится со своей девушкой Людмилой в двухместном купе поезда Кострома – Москва.

Колеса вагона громко стучали, и казалось, что поезд летит по рельсам с горы в какую-то яму. Кто-то решал его участь, и, Сергей чувствовал это, могло произойти всё что угодно, вплоть до гибели.

Он не видел людей, но по тому, что и как они говорили, Сергей чётко представил себе их внешность. Первый – весёлый, радующийся жизни, выпивке, сговорчивым дамам, – мужчина. У него могло быть брюшко, длинные волосы, бородка, где перьями красиво серебрилась седина.

Второй невидимка мог бы выглядеть как странное существо непонятного пола – грязные короткие волосы, круглое лицо с намечающимся вторым подбородком, пухлые руки. У этого существа глаза женщины, а лицо, фигура и жесты – мужчины.

Третий голос мог принадлежать девушке с тонкой талией, узкобёдрой и длинноволосой. Наверно, на её милом личике вдруг то и дело возникало жёсткое выражение, потому что в этом неясном теле находилась твёрдая мужская душа.

И ещё кое-что почудилось Сергею. Будто кто-то на заднем плане говорил успокаивающе: «Злые духи боятся любви…» Эту фразу повторили не меньше ста раз. Однако невидимки не замечали, что кто-то говорит кроме них. Они решали судьбу Сергея.

– Да отстаньте вы от него, бабы! – говорил мужской голос. – Человек дрыхнет. Вам хотелось бы умереть во время дрыха?

– Тебе бы только спать и есть, – неприязненно сказал звонкий девичий голосок. – Умереть во время сна у людей считается высшим счастьем. Они думают, что так умирают только лучшие из них.

– Он не лучший, – грубо произнёс дух-гермафродит. Этот голос тоже казался неженским, правда, в нём проскальзывали истеричные нотки.

– Ну, разберутся они сами. Они ведь люди! – пробасил благодушный дух.

– Она беззащитна перед ним! – сказало оно.

– Ты не права! Я проникла в их мысли. Он лучше её! И защищать нужно его! – сказала девушка.

– Как лучше?! – Существу такое положение вещей не понравилось.

– Я же сказал! – загоготал добряк.

– И лучше, и чище. Он мечтает о сказке, она тоже, но его сказка ангельски прекрасна, а её черна и…

Глава четвертая
Лиса-Лиса

Друзья Людмилу называли Лиса-Лиса, это те, которые знали вживую, а знакомые по Интернету – Виргуша, потому что её ник на форумах, в аське – везде был virgo, то есть «дева». Маленького роста восемнадцатилетняя женщина – полноватая, но с милым детским личиком. Она нравилась молодым людям. Лисой-Лисой её называли большей частью

поклонники за хитроватый прищур, а игривая чёрная чёлка делала барышню похожей на трепетного ангелочка.

Она была мечтательной девушкой. Лиса хотела в сказку, точнее в фэнтези, и жить там всегда-всегда. Некоторые книги её просто развлекали, а вот в отдельных придуманных мирах она чувствовала себя нелишней. Разные персонажи её очаровывали по-разному: с одними ей хотелось дружить, с другими выпить, с третьими иметь отношения самые близкие, какие только могут быть между парнем и девушкой. Десятки раз она влюблялась в выдуманных героев. Ей нравились подлецы с демоническим обаянием.

Когда какая-нибудь девушка из романа отвергала отрицательного обаяшку, предавала его и помогала главному герою, Мила сострадала злому поверженному гению. Ей хотелось за него замуж. Она мечтала попасть в книгу и страдала от нахлынувших чувств до невозможности. Это была её Голгофа, этим она мучилась.

Но с недавнего времени как будто что-то тёмное из книг вошло в жизнь Милы – её преследовал страх. Нет, она не видела ничего необычного или ужасного, но вдруг стала тревожиться как бы на пустом месте. Например, она боялась руки из-под лестницы…

Мила жила в старой девятиэтажке в районе метро «Водный стадион». Лифт в её подъезде, древний и скрипучий, запирался пыльной решёткой, потом кабина ехала натужно, и девушке казалось, что вот-вот всё остановится, застрянет и нельзя будет выйти. Поэтому чаще всего она поднималась к себе на четвёртый этаж пешком. Даже ночью, когда неосвещённые площадки должны пугать больше, чем старый лифт, она шла по лестнице.

Но вот однажды в её аккуратненькую хорошенькую головку пришла мысль, что чьи-то глаза смотрят из темноты пролёта, она поднималась, и ей думалось, что глаза двигаются за ней. Она представила, как выглядят глаза, и поняла, что они светятся в темноте. После этого девушка старалась больше не смотреть по сторонам, а только под ноги. Она боялась увидеть то, что придумала.

Дома Мила посмеялась над своими страхами, однако когда на следующий день она снова поздно вернулась домой, то вызвала лифт. Кабина приехала, и оказалось, что в ней нет света. Девушка испугалась – ей померещилось, что тут, в глубине тёмной пустой коробки, её и настигнут светящиеся глаза.

Она бежала по лестничным пролётам и слышала, как нечто преследует её.

Добравшись до квартиры, она быстро открыла замок, скользнула внутрь и закрыла дверь на задвижку, но тревога не прошла. Когда барышня скидывала босоножки в прихожей, то вдруг угловым зрением заметила на вешалке какое-то движение, ей показалось – там стоит человек.

Шёл третий час ночи. Мама и младшая сестра спали в своих комнатах. Мила понимала, что это просто старое пальто матери, и уже не в первый раз оно ей напоминает безголового. В этой квартире каждая вещь имела своё место уже как пятнадцать лет – это пальто пугало Милу ещё в детстве, потом она забыла про него.

Сейчас её восприятие странно сузилось. Ей стало казаться, что все вещи в квартире – это притаившееся зло, и они несут угрозу, прежде всего ей.

Мила взяла себя в руки и направилась в комнату. Открыв дверь, она почувствовала что-то неладное, будто бы кто-то чужой побывал тут до неё. Ей захотелось закрыть дверь и бегом добраться до комнаты мамы, чтобы уткнуться ей в шею, но она понимала, как глупо будет выглядеть при этом, и в который уже раз за ночь пересилила себя. Она сделала шаг и почувствовала лёгкий сквознячок из-под кровати. Мила поняла, что кто-то караулит там, и только её ноги окажутся рядом, он утянет за них, и что будет потом – одному Богу известно. Она стремительными скачками приблизилась и издали прыгнула на одеяло. Накрывшись им с головой, девушка притаилась.

В комнате лишь тикали часы. Минуты казались бесконечно долгими. Мила старалась сдерживать дыхание и вообще замерла, когда вдруг из-под кровати раздалось недовольное ворчание, а потом по полу захлопали чьи-то удаляющиеся шаги.

Наутро она переехала жить к Сергею.

Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор Сергею

Дух женщина подвёл итог:

– Она одержима, она уже с ними, потому что слишком желала их в своих мыслях. Её мечты исключительно от тела.

– Как обычно для молодой девушки! Это вполне нормально! – сказал дух-мужчина.

– Поговори у меня, кобель! – отозвался дух-гермафродит.

Девушка сказала жёстко:

– Она вообще не человек! А парень тоже верит в наш мир, но по-другому. Она его погубит!..

Глава шестая
Всевысший из миров

Когда Сергею исполнилось четыре года, ему подарили две книги-раскраски, они-то и подсказали ребёнку, что такое чудо. Героями одной из них были плюшевые мишка, мышонок, котик, пёсик и зайка. На первой странице пылало утро: игрушечные звери спали в отдельных кроватках, а в открытое окошко заглядывало улыбающееся солнце. Спальня была чисто прибрана и уютно обставлена – шкаф с разноцветными книгами, кресло-качалка, высокая этажерка с игрушками, полосатый коврик на полу. Всё, что было на странице, светилось уютом, радостью и дружбой.

Следующая картинка была нецветной, но такой же доброй. Игрушечные звери проснулись: мишка приводил в порядок кровать, зайка искал тапочку (одна у него была в лапке, а другая лежала под кроватью, но он её не видел), котик надевал шортики, пёсик – рубашку, а мышонок, ещё в пижаме, пытался поиграть с мячом, он держал его перед собой.

Потом были утренние процедуры… Лёжа на спине в ванной, мишка натирал щёткой с длинной ручкой заднюю лапу. Вокруг него всё пенилось и пузырилось, и непоседа мышонок играл с летающими по комнате огромными мыльными пузырями! Котик уже вытирал мордочку, пёсик чистил зубы, а зайка полоскал ушки в раковине. Дальше они завтракали, гуляли, обедали, рисовали, ужинали, рассматривали книжки, готовились ко сну.

Картинка, где они мирно спали под мягкими плюшевыми одеялами, а луна через раскрытое окно серебрила и стены комнаты, и кроватки, и шкаф, и умиротворённые мордочки зверьков – эта картинка больше всего умиляла Сергея. Уютная идеальность мира, которая предстала перед мальчиком, влюбила его в себя. Он захотел в этот лучший из миров навсегда.

Была и вторая такая же уютная книга. В ней главными героями стали курочка и петушок. Они жили в красивом домике на берегу реки: по сюжету книги они вместе со своими соседями гусем и гусыней пили чай, ходили на речку, собирали овощи на огороде. Сменялись сезоны – весна, лето, осень, и на всё были свои картинки. Зимой петушок решил покататься на коньках и провалился в прорубь – его спасла курочка, она держала его за шарф, пока не подоспел сосед гусь. Потом гусь и курочка вместе несли замёрзшего и промокшего друга домой.

Петушок заболел, а курочка его выхаживала, а потом снова наступила весна, и они пили чай на веранде.

Сергей захлёбывался от ощущения любви и счастья! Он больше не хотел жить в мире, где нет этого всепоглощающего чувства совершенства. Он хотел попасть в книги. Больше всего в первую. И от безысходности он плакал, громко, навзрыд, как будто потерял что-то самое ценное! На самом деле ему было грустно оттого, что он не приобрёл…

Дедушка, увидев его слёзы, спросил внука, в чём дело. Сквозь рыдания Сергей ответил:

– Я хочу к ним… Я хочу быть с ними…

Он показывал на страницу из книги, где звери обедали.

Сергей увидел в глазах деда странную грусть. Дедушка погладил его по голове и сказал:

– Ложись спать. Они тебе приснятся. Во сне ты попадёшь туда.

Сергей без слов откинулся на подушку. Как он хотел к ним!

Засыпая, он загадал уйти из этого мира в мир зайки, мышонка, котика, пёсика и мишки. Он в слезах молил высшие силы забрать его отсюда, но наутро снова проснулся в своей кровати.

Это было второе главное разочарование в его жизни. Первое пришло, когда он узнал о том, что не бессмертен. Об этом ему сказала бабушка. Он не сразу поверил: в голове не укладывалось, что он может исчезнуть навсегда. Сергей точно знал – так не должно быть! Не может он умереть! Не может! Но потом вдруг осознание неотвратимого пришло, и он затосковал.

И вот теперь пришло второе разочарование. Он перестал верить в чудеса. Сергей никому ничего не сказал, он уже не плакал, и хотя слабая надежда на счастье ещё тлела в его душе, ребёнок ожесточился против мира, в котором ему приходилось жить.

К первой книге Сергей охладел, и она вскоре потерялась. Осталась только вторая. С ней он не расставался лет до десяти, но уже боялся взывать к существам идеальной материи. Он страшился, что ему снова не ответят. Сергею хотелось оставить иллюзии, что Всевышний мир, так он назвал его в своих мечтаниях, для него не потерян навсегда, поэтому он не молился о переходе в него, чтобы не разочароваться окончательно.

Вторая книга до сих пор хранилась у его родителей, наверное, где-то на антресолях. А первую Сергей напрасно забыл, он не знал самого главного – на самом деле ребёнком в ту ночь он побывал в Всевышем мире, но просто не помнил этого. Так было нужно.

Продолжение второго сна, в котором голоса выносят приговор

Красивый женский голос сказал:

– Она не сможет дать ему то, что он хочет. Он же даст ей то, что хочет она, но на время.

– Предлагаю помочь им! – весело воскликнул мужчина.

– Как? – Женщина не обратила внимания на его шутливый тон.

– Не вмешаемся и поможем этим!

– Это не по правилам, – заметил гермафродит.

– Зато интересно! – ответил мужской голос.

– Мне так неинтересно, – сказала женщина, – пусть она лучше обретёт своё счастье!

– Так и будет! Пусть она станет чудовищем! – радостно откликнулось оно.

– Ну вы даёте, бабы! Стервы! Лень с вами спорить…

– Это мой приговор! – сказала женщина.

– Это мой приговор! – произнесло оно с какой-то мерзкой радостью в голосе.

– Ну пусть будет… Всё равно мой голос ничего не поменяет… Это ваш приговор.

– Злые духи боятся любви… – успокаивающе проговорил кто-то четвёртый, и его слышал только Сергей.

Глава восьмая
Новиковский и злыдня в кишках

Максим и Хлоя стояли на перроне Ярославского вокзала, оба угрюмые и как будто полумёртвые. Сторонний наблюдатель мог подумать, что парень и девушка ждут поезд, под который сговорились броситься. Макс то и дело посматривал на пыльную и жалкую, как ему казалось, надпись: «Добро пожаловать в Москву!» Он хотел сказать Хлое о том, что ему грустно стоять вот так на полупустом перроне, но не успел. В его животе раздалось протяжное урчание, и снова зашевелилось Оно.

То, чего он боялся, начиналось снова.

Слова расслышал только он. Злыдень из его нутра говорил:

– Максим Новиковский, я проснулся! Дай мне есть!

Мужчине хотелось завыть от горя. Снова этот маленький проглот с острыми, как иглы, зубами будет терзать внутренности, а потом частичка злобного сознания войдёт в рассудок Новиковского, и тот станет говорить и творить пошлости, подчиняясь воле существа. Макс не мог понять – здоров ли, болен ли. Порой он думал, что стал шизофреником, а Злыдень – это выдумка больного сознания, но неужели галлюцинация может быть такой явной? Он приходил к выводу, что вряд ли.

* * *

Всё началось около года назад: шёл дождь, Максиму не хотелось сидеть дома одному. Чтобы не тосковать, он поехал к друзьям в бильярдную. Играл Новиковский хорошо, и в этот раз было как всегда: он выигрывал, хоть и много пил. В конце концов, Макс забрал все наличные деньги товарищей и здорово напился. Тогда произошло то, чего он никогда от своих знакомых не ожидал: обиженные товарищи вынесли пьяного Новиковского из бильярдной, предварительно забрав свои и его деньги, и бросили головой в мусорный контейнер!

Оказавшись в вонючем содержимом мусорника, Максим забарахтался, он пытался вылезти, но его не слушалось тело. Тогда заплетающимся языком парень позвал друзей, он всё ещё надеялся, что они пошутили и помогут ему, но приятели лишь смеялись. Они советовали Новиковскому отдохнуть немного, а потом снова поиграть на бильярде. Парень ещё некоторое время пытался выбраться, пока его не сломили усталость и алкоголь.

Проснулся Макс от сильной тревоги: было темно и пахло тухлятиной. Максим пополз по чему-то вонючему и склизкому. Голова жутко болела, мысли скользили бесформенными призраками: сообразить, что произошло, и как он тут оказался, никак не получалось.

Заскрежетало, и Новиковскому в мусоре стало тесно, душно, страшно. Максиму почудилось, что это надавил какой-то пресс. Он закричал! В темноте нельзя было понять, откуда ждать опасности.

Вверху появился свет и посыпался мусор, через секунды отверстие закрылось. К Максиму закралось нехорошее подозрение. Новиковский наконец-то вспомнил, что уснул в мусорном контейнере, возможно, утром рабочие могли не заметить его и вывалили содержимое контейнера в мусоровоз.

К примеру, он сейчас находится в мусоровозе… К примеру, его туда вывалили вместе с мусором…

Он закрутил головой, пытаясь понять, правильна ли его догадка. И вдруг осознал: конечно же, он в мусоровозе, какое тут к чёрту «к примеру»!

Максим понял, что он никогда не выберется. Он превратится в месиво, как только устройство для прессовки мусора надавит сильней.

В панике Новиковский попытался отползти: где-то должна быть стена, в которую можно ударить изо всех сил, и водитель мусоровоза услышит.

О гидравлическом прессе в современных московских мусоровозах Макс знал из новостного сюжета на канале «Столица»: устройство превращало мусор в аккуратные кубы, которые потом вываливали на загородную свалку.

Новиковский пытался доползти до стены, чтобы постучать. Максим старался изо всех сил! Он попал всем телом в вязкую тухлую жижу…

Снова что-то заскрежетало.

Новиковский заплакал от страха и безысходности. Он перевернулся на спину и отчаянно шарил в карманах в поисках телефона. На радость мобильный нашёлся тут же. Макс включил подсветку: батарея была разряжена всего наполовину, но индикатор качества связи показывал одну палочку.

Очень плохая связь, но она есть. Он нажал «экстренный вызов».

Трубку взяли сразу.

– Помогите! Помогите! – закричал Новиковский в панике. – Я внутри мусоровоза! Меня закинули внутрь мусоровоза! Тут работает пресс! Он меня убьёт! Если вы мне не поможете, я погибну!

Из динамика телефона послышался раздражённый женский голос:

– Вы в тюрьму хотите?! Знаете, что за телефонное хулиганство бывает?! Тюрьма! Есть уголовная статья! До трёх лет!

Динамик мобильного телефона затих, то ли дали отбой с той стороны, то ли просто соединение прервалось из-за плохой связи.

Новиковский снова набрал номер, но прежде чем ответил диспетчер, что-то произошло внутри мусоровоза. Вроде бы он не услышал ни звука, ни шороха, но что-то неуловимое произошло – это вызвало безотчётный ужас.

Максим посветил экраном телефона по сторонам: как оказалось, он лежал на куче тухлых помидоров. Он чертыхнулся и хотел было подняться, как вдруг куча зашевелилась и что-то вылетело из нее, больно ударив Новиков-ского по зубам.

Отвратительный запах сладкой тухлятины ударил в нос! Нечто мерзкое прилипло к его губам и повисло. Он хотел отбросить это, как вдруг оно больно надавило на челюсть, так, что мужчине пришлось открыть рот. Он почувствовал, как твёрдый предмет размером с горошину, проник в пищевод, а потом в желудок.

Новиковский увидел, что мусор справа вздыбился и поехал к нему – это заработал пресс!

Тухлая слякоть брызнула и облепила Новиковскому лицо. Она лилась на него словно из ведра, он не понимал, откуда её столько взялось. Максим почувствовал, что не хватает воздуха, он вдохнул, и жижа попала в лёгкие.

Новиковский попытался выплюнуть, откашляться, но не смог. Он задыхался. В ушах стало гулко. А потом он услышал, как хрустят его рёбра… Новиковский задохнулся: слякоть от помидоров забила ему лёгкие. А за мгновение до смерти он понял, что грудная клетка треснула, смялась, сломалась под давлением пресса.

* * *

Ему показалось, что очнулся он через доли секунды. Во рту Максим почувствовал неприятный, гнилой вкус, он плюнул остатками тухлого помидора, попытался распрямиться, но колени куда-то упёрлись. Новиковский перевернулся и понял – он лежит в мусорном контейнере.

– Выходи, идиот! – кричали с улицы.

Кто-то брезгливо ткнул его палкой.

– Выходи-выходи, бомж. Вот закинули бы тебя сейчас в машину, посмотрели бы тогда.

От яркого света невыносимо болела голова.

Новиковский вылез из контейнера: волосы, одежда, руки, обувь – всё было измазано соком гнилых помидоров и собачьими испражнениями – дворники уже успели убрать улицы и свалили в контейнер отходы жизнедеятельности домашних любимцев.

Дорога домой была трудной. Максим, как мог, почистился, однако его усилия дали мало результатов. Новиковский не решился войти в метро или вызвать такси, он шёл пешком через всю Москву до квартиры на Речном вокзале. Люди его сторонились, многие смотрели вслед с удивлением, двое демонстративно зажали нос, а трёх девушек при виде его стошнило. Он совсем забыл о том, что привиделось ему этой ночью – о мусоровозе, о чём-то твёрдом, что проникло в него… Но вспомнить пришлось через четыре дня.

Ночью Макс проснулся от острого страха, его буквально трясло. Он не понимал, что с ним происходит, откуда этот страх. Что-то незримое давило ему на живот, на горло, на сердце, что-то незримое холодило душу… Он взял телефон с тумбочки и посветил.

Квартиру Новиковский снимал напополам с Сергеем. Товарищ спал за стеной во второй комнате, и Максиму вдруг показалось, что у него есть только один шанс избежать чего-то ужасного – это разбудить соседа.

Он встал и включил лампу. Свет, приглушённый плафоном, не рассеял страх. Тёмный шкаф с пыльными книгами, подранный диван… Простыня съехала вбок, оголив замызганные подушки, одеяло валялось на полу. Поцарапанный стол… На столе открытая бутылка водки и рюмка. Перед сном, чтобы успокоить нервы, Новиковский принял немного.

Он решил выпить для успокоения, а после растолкать Сергея…

«И что потом? – подумал Максим. – Он меня за шизанутого примет».

Руки дрожали. Новиковский налил рюмку, быстро сглотнул содержимое и вдруг потерял сознание.

Очнулся он там, где боялся оказаться больше всего в жизни, – в недостроенной Ховринской больнице. Про неё шли разные слухи, а Новиковский был человеком мнительным, поэтому каждый раз, проходя мимо огороженного колючей проволокой здания, он чувствовал неприятную тревогу.

Максим нащупал телефон в кармане и хотел было позвонить (куда – не знал сам), но связи не было.

Новиковский выключил и снова включил телефон, связь не появилась. Он чертыхнулся и на полусогнутых ногах, так как очень боялся споткнуться и упасть, подошел к виднеющемуся провалу окна.

«Вроде этаж четвёртый. Как я сюда попал?»

Почти полная луна висела над аллеями Ховринской больницы. Её бледный свет добавил жути, но не помог разобраться в том, куда нужно двигаться. Внутри недостроя было темно, немного света напротив окна – и всё.

Подсвечивая телефоном, Максим попытался отыскать лестницу. Бледная тусклая подсветка экрана коснулась стены, его руки задрожали и телефон выпал. Макс понял неуловимое, страшное… Он попытался задержать ускользающую мысль… От ледяного страха тело покрылось гусиной кожей.

Сначала ему показалось, что осознание дикого ужаса, кроющегося в этом месте, пришло само собой из ниоткуда, как озарение, но потом Новиковский понял: прежде чем телефон выпал из его рук, он успел что-то увидеть.

Максим быстро, дрожащими руками поднял телефон и посветил на стену: «Больничка эта – край чудес, зашёл в неё – и там исчез».

Вокруг надписи были нарисованы граффити – люди с живыми глазами. Они смотрели на Максима кто злобно, кто печально, а кто со скукой.

Сначала ему почудилось, а потом он понял, что все они погибли здесь, в Ховринской больнице, и теперь их бессмертные души живут на стене. Новиковскому стало жутко: он подумал, что может умереть сейчас от чего-нибудь и стать таким же рисунком: проклятым рисунком, проклятой душой в граффити на стене Ховринской больнички.

Он узнал мальчика. Почти у самой лестницы был нарисован четырнадцатилетний подросток. В его взгляде сквозили недоумение и испуг. Новиковский помнил его: мальчик погиб год назад, бросился в недостроенную шахту лифта тут, в Ховринке, а жил он в подъезде, где Максим и Сергей снимали квартиру.

Под рисунком алела надпись: «Здесь ад».

Максим захотел сейчас же выбраться из больнички, он пошёл по лестнице, но не успел сделать и трёх шагов, как сработала знаменитая ховринская ловушка: в этом заброшенном здании много дыр-провалов между этажами, и кто-то закрывает их железными листами. Новиковский слышал о таких ловушках. И всегда у него возникал вопрос: кому это нужно? Зачем прикрывать опасные места? Кому приходит в голову делать такую гнусность? Он не очень верил в ловушки, но вот попал в одну из них.

Макс падал в дыру: краем глаза он заметил внизу торчащую в разные стороны арматуру. Об один прут Макс сильно ударился животом, у него перехватило дыхание, он скорчился, пытаясь вдохнуть, когда сверху его накрыл ещё и лист железа, тот самый, который недавно маскировал ловушку. Сознание поплыло, а к горлу подкатила тошнота.

На язык из желудка что-то вылетело. Он выплюнул небольшой помидор черри. Потом ещё один, потом ещё. В полумраке Новиковский видел, что помидоры ведут себя, словно живые: один из них, подскакивая, как резиновый мячик, отправился ко второму, который тоже устремился к нему навстречу. Когда они соединились, то третий запрыгнул поверх них. И вдруг Новиковский увидел, что это уже не помидоры, а маленький человечек.

Поражённый Максим нагнулся, чтобы рассмотреть тщедушную фигурку в слабом свете луны, и увидел недобрые глазки и редкие, испачканные слюнями волосики на продолговатой головке. Вдруг человечек открыл рот, показал ряды острых и длинных зубов-иголок и злобно зашипел.

– Ах-х-х! – крикнул Новиковский и отшатнулся.

Человечек подскочил метра на полтора и снова зашипел. Максим побежал, но, выскользнув в темноту из света, он растерялся и ударился головой о стену. Он попытался продвинуться вбок, но споткнулся и упал. Человечек передвигался высокими прыжками и шёл к Новиковскому.

Максим встал и побежал, но не успел сделать и шага, как человечек приземлился к нему на плечи. Новиковский почувствовал холодненькие пальчики у себя на шее. Существо вцепилось ему в кожу и захихикало.

Парень попытался сбросить с себя человечка, но тот сидел крепко, и, самое страшное, он тяжелел, он увеличивался! Новиковский хотел ударить человечка о стену, но упал лицом в битый кирпич и мусор: существо весом придавило его к полу. Больше Максим ничего не помнил.

Утром он проснулся на полу, под столом, в руке была зажата пустая бутылка. Он с удовольствием поверил бы, что ему всё приснилось, если бы не почувствовал неприятное шевеление в своих кишках. Если бы из живота он не услышал шипение того самого человечка!

С тех пор он слышал его голос, существо диктовало ему, что есть, что пить, что говорить. А если Новиковский пытался сопротивляться, то человечек кусал его своими маленькими зубами-иголками. Боль была нестерпимой. Максим очень боялся, что нечто, поселившееся внутри, прогрызёт в его животе дыру.

* * *

Максим и Хлоя ждали поезд, на котором должны были приехать их друзья. Прибытие задерживалось. А так хотелось уже уйти с пыльного перрона! Пока Новиковский разговаривал со злобным человечком, который поселился у него в кишках, барышня думала о своём. Она не меньше Максима сомневалась в том, здорова ли она психически и может ли такое случиться в реальности: проснувшись вчера в час дня, она увидела в правом углу комнаты могилу матери.

Весь пол был засыпан землёй, а около окна возвышались холм и плита с фотографией мамы. Девушка встала, сделала шаг, но упала на колени, заскулила от страха и поползла к выходу. Кое-как она встала и открыла дверь, потом, поняв, что в таком виде идти нельзя, натянула платье, обула туфли на высоких каблуках – других у неё никогда не было, и, шатаясь, спотыкаясь, на негнущихся ногах пошла по лестнице вниз.

Максим и Сергей снимали квартиру в доме напротив. Идти больше не к кому, только к ним.

Девушка ничего не сказала Максиму. Хлоя понимала, что увиденное – нереально, и, наверное, она просто сходит с ума. Девушка переночевала у Новиковского, а утром вместе с ним пошла встречать Сергея и Людмилу.

Глава девятая
Ховринская больница

Проснувшись в поезде, Сергей долго смотрел на спящую Милу. На душе было тревожно, но умиротворенное личико девушки успокаивало нервы, казалось, она видит какой-то сказочный сон. Ей было восемнадцать лет, ему двадцать девять, их отношения длились полгода, и почти с первых дней он называл её только «милая Мила»! Её детская неясность восхищала его.

Он смотрел на неё и улыбался. Вскоре ему уже показалось, что волноваться не стоит. Ну приснились ему голоса, ну и что? Да, голоса показались ему явными, но он ведь журналист, а значит, немного с фантазией, поэтому снится чепуха, на которую не стоит обращать внимание.

Такое объяснение Сергея устроило. Он решил больше не думать об этом и выпить чаю.

Парень открыл дверь купе, как вдруг вспомнил про второй сон, тоже страшный: будто бы он бродил в Ховринской больнице и видел странные картинки на стенах. Видение приходило не в первый раз, и чувство подсказывало – грядут серьёзные неприятности.

Сергей очнулся от раздумий и заметил, как странно поглядывает на него молодая блондинка. Он всё еще стоял у открытой двери своего купе, а она в коридоре, вполоборота у окна. Пришлось улыбнуться и закрыть дверь. Теперь всё точно вспомнилось: полуразрушенное здание, граффити…

Он рассматривал надписи – странные рисунки людей были пугающе реалистичны. И на одном из них Сергей узнал себя, а рядом были нарисованы его девушка и друзья. Под каждым изображением надпись: writer, virgo, blank, chloe.

Это имена друзей и его имя в Интернете: virgo – Людмила, blank – Максим Новиковский, chloe – Хлоя, writer – он сам.

Во сне пришло точное понимание того, что это Ховринская больница, и увиденное обещает скорую гибель.

О недостроенной Ховринской больнице Сергей узнал, когда переехал в район метро «Речной вокзал». Они с Максом сняли квартиру совсем недалеко от неё. Местные жители с трепетом, а кто, наоборот, с азартом, рассказывали о проклятом, по их мнению, месте.

Сергея заинтересовали истории о больнице, у него выходили занимательные статьи в глянцевых журналах, а из этой городской легенды могло кое-что получиться. Только нужно было нащупать основу будущего рассказа.

Он поискал информацию о больнице в Интернете и обнаружил, что в Ховринку всех желающих водили на экскурсию, естественно, нелегально, и, как правило, экскурсоводу было лет шестнадцать-двадцать.

Кроме того, было много информации – и на форумах, и в Живом Журнале, и в блогах mail.ru.

Сводилось всё вот к чему:

«Строительство Ховринской больницы началось в 1981 году на месте старого кладбища: она была рассчитана на 1300 коек для больных со всего СССР. Планировалось создать одно из лучших медицинских учреждений страны. В 1985 году при невыясненных обстоятельствах строительство было прервано.

Больница находится недалеко от станции Ховрино, возле парка. До неё легко добраться от метро «Речной вокзал», и попасть в неё совсем несложно. Больница стоит посреди спального района Москвы, и, хоть она огорожена колючей проволокой, но кое-где есть лазы. Всего их три.

Первый из них ведёт через кустарник по тропинке на холм, а потом через высокую траву к крылу здания, где на верхних этажах должно было располагаться офтальмологическое отделение, а на минусовых – морг. Сейчас этаж морга затоплен. Там часть Нетающего озера.

Второй ход ведёт через Перекопанное поле. На нём кое-где лежат ржавые лопаты, а свежераскопанные ямы напоминают могилы. Там же по соседству можно заметить аккуратные холмики…

Третий лаз ведет к бетонной площадке, из неё в некоторых местах торчит длинная косая арматура. Сразу за площадкой начинается кривая аллея, она ведет к травматологическому отделению больницы. Там, по легенде, находится Секретная комната».

О больнице ходило много мистических слухов. Например, считалось, что в ней живёт дух, который может являться людям во сне и сводить их с ума. Также было немало пересудов на форумах Интернета о «Нетающем озере» на затопленном нулевом этаже. Многие очевидцы утверждали, что лёд там не сходил даже летом. Это считалось одним из чудес ховринского недостроя.

Насчет другой странности, а именно тайной комнаты, верилось трудно. По сайтам Интернета бродила легенда о том, что в середине девяностых в этой больнице московские сатанисты сделали свою церковь. Она просуществовала год, в который из окрестных дворов стали пропадать сначала кошки и собаки, а потом дети. И вот однажды ночью нагрянул ОМОН, кое-кого из сатанистов задержали, но большинство спряталось в Секретной комнате на нулевом этаже. По слухам, милиция не стала дожидаться, когда молодёжь выйдет из укрытия, – этаж затопили. По легенде, так и образовалось Нетающее озеро, однако в эту необоснованную жестокость людей в форме Сергей не верил.

Слухи о перекопанном поле и могилах тоже казались ему странными. Посреди столицы существует поле с неопознанными могилами и никого это не интересует… Бред.

Другая информация показалась Сергею боже полезной:

«Планировка здания является оригинальной и нетипичной для административных строений советского периода. Больница выполнена в виде треугольного креста с разветвле-

ниями на концах. Три крыла здания сходятся посередине, боковые части образуют три двора, занятые пристройками.

Из-за незаконченности стройки в некоторых местах отсутствуют фрагменты стен и межэтажные перекрытия. Здание, особенно верхние этажи, полностью покрыто граффити. Подвалы затоплены. Остановка строительства, по-видимому, была вызвана недочётами проекта (или геологоразведки) – здание медленно уходит под землю. Сейчас первый этаж уже находится немного ниже поверхности.

Среди сталкеров объект имеет прозвище «Амбрелла» – за свою форму, похожую на логотип секретной корпорации из игры «Resident Evil».

Как сначала показалось Сергею, молодёжь из близлежащих домов выдумала красивую историю в стиле «романтический хоррор», но потом больница ему стала сниться, и каждый сон был реалистичным, неслучайным, пророчащим беду. Ему пришлось задуматься, и, незаметно для самого себя, он поверил в то, что Ховринка – аномальная зона.

Сергей много раз размышлял над тем, стоит ли пойти в Ховринскую больницу и посмотреть её изнутри, но каждый раз откладывал поход в недострой из-за нехорошего предчувствия.

Неожиданно Сергей понял, что стоит между полками купе, низко наклонившись над спящей Людмилой. В его сознании словно собирался пазл: он вспоминал третий сон, который увидел сегодня ночью.

Сон третий, который происходит он-лайн

Сергей никогда никому не рассказывал о волшебных книгах, которые изменили его жизнь, заставили поверить в другой мир. Даже Людмиле он ничего не рассказывал, это была его тайна, но третий сон ему приснился вот такой:

Writer (23:08:12, 24/06/2009)

Что делаешь, любимая? Скучаешь по мне?

Virgo (23:08:14, 24/06/2009)

Ты тут, Сереженька? Я не заметила. Очень скучаю!

Writer (23:08:16, 24/06/2009)

Что делаешь без меня?

Virgo (23:08:18, 24/06/2009)

Играю «ВКонтакте» в «Ферму». Очень жду:) Мне сегодня сон странный снился……)))) О тебе!

Writer (23:08:20, 24/06/2009)

И мне сегодня странный сон снился.

Virgo (23:08:22, 24/06/2009)

Обо мне?

Writer (23:08:28, 24/06/2009)

Не совсем, но мы там будем.

Virgo (23:08:32, 24/06/2009)

Что значит не совсем?

Writer (23:09:00, 24/06/2009)

Я тебе не рассказывал об этом.

Virgo (23:09:10, 24/06/2009)

Ты сегодня какой-то загадочный ((((((

Blank (23:09:10, 24/06/2009)

Привет, дебил! Когда домой?

Writer (23:09:14, 24/06/2009)

Здравствуй, даун! Скоро.
Blank (23:09:22, 24/06/2009)
))))))))))))))))))))))))))))))))
Virgo (23:09:24, 24/06/2009)
Ты не хочешь со мной разговаривать?
Writer (23:09:27, 24/06/2009)
Хочу. Тут Макс, дебил, написал.
Virgo (23:09:32, 24/06/2009)
Новиковский, хватит Серёжу отвлекать! Он со мной общается!
Blank (23:09:40, 24/06/2009)
Привет, толстая. Сегодня зайду к тебе в гости, пока Сережи нет.
Virgo (23:09:45, 24/06/2009)
Заходи, только не отвлекай сейчас его. А то он, по-моему, там кого-то себе нашёл.
Blank (23:09:50, 24/06/2009)
Давно пора.
Virgo (23:09:53, 24/06/2009)
Иди ты!
Blank (23:09:57, 24/06/2009)
Ага, приду сегодня.
Virgo (23:10:01, 24/06/2009)
Я же сказала. Приходи.
Chloe (23:10:01, 24/06/2009)
Привет, Мила. Как Серёжа?
Virgo (23:10:06, 24/06/2009)
Он уехал.
Chloe (23:10:10, 24/06/2009)
Зайду сегодня.
Virgo (23:10:18, 24/06/2009)
Меня сегодня не будет дома, Аня.
Chloe (23:10:19, 24/06/2009)
Не называй меня так!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Virgo (23:10:22, 24/06/2009)
Прости, прости, Хлоя.
Chloe (23:10:24, 24/06/2009)
Запомни, пожалуйста.
virgo (23:10:28, 24/06/2009)
Запомнила.
Writer (23:10:31, 24/06/2009)
Я хотел тебе рассказать чудную историю.
Virgo (23:10:33, 24/06/2009)
Рассказывай!))
Blank (23:10:33, 24/06/2009)
Хочешь?
Virgo (23:10:35, 24/06/2009)
Да.
Writer (23:14:57, 24/06/2009)

В детстве я был странным. И когда-то совсем в раннем детстве мне подарили книжки-раскраски. Первая была об игрушечных зверях – они жили вместе в уютной квартире. В книжке была история одного дня их жизни. Как они проснулись, вымылись, как зав-

тракали, гуляли, играли. Всё это было так уютно нарисовано, что я захотел попасть к ним навсегда. А вторая была о петушке, курочке, гусе и гусыне. Они жили в деревне в соседних домах. Они очень дружили, делали всё вместе, а однажды, когда петушок чуть не погиб (он провалился на реке под лёд), то они спасли его. Курочка и гусь несли его до дома и отпаивали сладким чаем. В детстве перед сном я загадал попасть в один из этих миров, но наутро снова проснулся в своей постели. Это было главным разочарованием моей жизни.

Writer (23:18:12, 24/06/2009)

Виргуша, ты здесь?

Blank (23:18:12, 24/06/2009)

Пока ты там, я тут с ней…

Writer (23:18:24, 24/06/2009)

Иди отсюда.

Blank (23:18:58, 24/06/2009)

Нюню.

Virgo (23:21:17, 24/06/2009)

Я тут. Что могу сказать. Уютный уют. Курочка, наверное, пока петушок по речкам катался, с гусем дружила))) И как-то странно, что столько однополых животных в одной квартире живёт. Очень странно. А?)))))))))) Это только на картинке было идеально, а если бы ты попал, то понял, что там всё так же, как здесь)))))))))))))))))))))))))))))))))))

Virgo (23:25:18, 24/06/2009)

Ты тут? Ответь!

Virgo (23:30:33, 24/06/2009)

Серёжа, ты вышел из аськи или спрятался?

Virgo (23:31:20, 24/06/2009)

Ты там с кем-то?

Virgo (23:41:00, 24/06/2009)

Ладно, спокойной ночи.

Глава одиннадцатая
Четверо сумасшедших

Новиковский изменился с тех пор, как в нём поселился злой дух. Эти перемены ощущались и снаружи, и внутри. У Максима слегка вытянулось тело, кости рук и ног стали длиннее, суставы подвижней, а мышцы сильнее, во взгляде проскальзывало злобно-дебиловатое выражение, точь-в-точь как у маленького человечка из Ховринской больницы. Молодой человек превращался во что-то непонятное, дикое.

Нежить, сидевшая внутри, заставляла его говорить злые слова и совершать мелкие подлости, о которых он раньше бы пожалел. Например, пока шли на вокзал, он несколько раз довёл Хлою до слёз, и теперь она стояла рядом обиженная, злая, заплаканная.

Новиковский, казалось, не замечал её настроения, он отпускал замечания по поводу её внешности – сказал, что она похожа на бочку, и это было странно. Хлоя – бледная, худая и испуганная, скорее походила на воблу в меле, на труп в платье, чем на «прыщавую толстушку», как назвал её Максим. Всему виной был ховринский человечек, который иногда показывал ему реальность наоборот, делал это дух просто так, для личного свинского развлечения.

В другое время слова об изъянах фигуры Хлою ввели бы в бешенство, она была очень худой, но считала себя толстой. Сейчас вопрос личной красоты временно отошёл на второй план, её волновал вопрос жизни и возможной скорой смерти по вине Новиковского. Он всё

время называл её Аней, а не Хлоей, чем ввергал барышню в дикий ужас: девица боялась, что его слова услышит белый дым.

– Ну чего ты, дура, что ли, протокольная? – говорил он. – Было нормальное имя – Аннушка. А стало какое-то идиотское – Хлоя.

Девушка при каждом упоминании её старого имени дрожала и кричала:

– Я Хлоя! Я не Аня!

Это веселило человечка внутри Новиковского, поэтому он заставлял своего носителя дальше издеваться над бедной девицей. А ей некуда было идти, поэтому кроме как плакать, больше она ничего не могла. Эту ночь она провела у него и собиралась провести следующую, барышня пока не могла решить, сможет ли когда-нибудь вернуться в свою квартиру.

– Ты – Аня! – с улыбкой продолжал дразнить её Новиковский.

«Я могу погибнуть из-за него!» – подумала она.

Если дым поймёт, что она Аня, то найдет её. Девушка точно знала – следующей после матери должна была стать она.

А ведь из Ани в Хлою девушка превратилась случайно, по детской прихоти. Она искала интересную информацию об Англии в Интернете и наткнулась в Википедии на статью, где было нечто, заинтересовавшее её:

«Chloe» или Chloë – популярное имя, особенно в Англии. В Северной Ирландии Chloe – самое популярное имя для новорождённых детей в период с 1997 по 2002 год, а затем, в 2003 году – Эмма».

Её папа родился в Лондоне, преподавал в лондонском университете, но был наполовину ирландцем. Она решила сменить имя под влиянием романтичных чувств, таким образом она хотела приблизить к себе сказку под названием «папа из Великобритании».

Из вагона вышли Людмила и Сергей.

– Ха-ха-ха! Ты похожа на доску! Скелет в полоску! Длинная дура! – сказал Новиковский.

Людмила с недоумением посмотрела на него. Она была полноватой и невысокой.

– А у тебя живот вырос, как арбуз! Ты похож на Карлсона рогатого!

– Успокойся ты! – Сергей уже привык, что его товарищ с некоторого времени чудит, говорит то, чего нет, ведёт себя глупо и резко. Сам-то он знал, что долгие тренировки в фитнес-клубе сделали его тело упругим, и никакого живота нет.

Просто с Новиковским что-то происходило. Сергей давно понял это. Друга как будто подменили. Иногда казалось: он – это не он, а нечто постороннее. Иногда казалось, что Макс не человек, а кукла. Поймав себя на такой мысли, Сергей всегда гнал её прочь, уж больно чудной она ему казалась.

– Ладно, лошки, – сказал Новиковский. – Идём, поедим.

Сергей заметил, что глаза товарища расширились и стали глупыми и дикими, как у напуганного кота.

И Хлою, и Людмилу, и Сергея посетило неприятное чувство: им вдруг, всем троим сразу, захотелось поднять первый попавшийся на дороге камень и разбить голову Максиму Новиковскому. И резон был простой – страх и отвращение к инородной пакости, которую они ощущали интуитивно.

Пока шли по улице к ресторану, Новиковский нёс очередной оскорбительный бред, а все остальные молчали и ненавидели некогда друга. Сергей пытался бороться с чувством омерзения, но это было сложно.

В японском ресторане, где они решили перекусить, Максим удивил всех снова: после того как принесли заказ, он жадно набросился на еду: сметал всё, причем он прихватывал что-то и из тарелок друзей. Глупая улыбка то и дело появлялась на его губах. Оцепенение

сковало Сергея, Людмилу и Хлою, они не решались сопротивляться и вообще замечать, когда Новиковский таскал у них куски.

Несколько раз он утробно рыгнул, и всем показалось, что они слышат из его живота:

– Еда! Еда!

Поев, Новиковский отказался платить, потому что за невкусную еду, как он сказал, платить не нужно. Сергей молча оставил свои деньги, и они вышли.

История первая (возможная). Вечный покой

В подземном переходе Сергей и Людмила отстали, они хотели поговорить о странном поведении Новиковского, но не успели: их внимание привлекла странная нищая бабушка, перед ней лежала шапка с милостыней, а в руках она держала замызганный колокольчик.

Он зазвонил:

– Динь, динь, динь!!! – звонко, пронзительно, серебряно, так, что хотелось плакать.

– Злые духи боятся любви! – сказала старушка и улыбнулась.

Сергей узнал голос из недавнего сна, а потом вспомнил лицо и осанку женщины, она приходила к нему в другом видении, совсем забытом. Воспоминания прорисовывались, с них как будто сползала толстая пыльная вековая паутина.

Самое главное разочарование в его жизни – то, что он не попал в уютный мир плюшевых игрушек…

А ведь всё было не так.

Сергей провёл в Всевысшем из миров целый день, он просто забыл. А теперь вспоминал, постепенно всё вспоминал… Как он плакал, как молился, как уснул в ту ночь и ему привиделась старая женщина с серебряным колокольчиком. Эта самая старушка, которая сейчас побиралась в грязном московском переходе.

Каким образом она появилась здесь? Зачем она просила милостыню? Кто она такая?

Много лет назад она вела его через темноту к свету, который отделял миры. На границе их встретили три человека: мужчина с длинными волосами, усами и бородой; тонкая красивая женщина с жестоким лицом; полнотелое короткостриженое нечто – Сергей не смог определить пол существа. Они не хотели его пускать, они требовали плату, но у него ничего не было.

Ребёнку пришлось пообещать кое-что…

В лучшем из миров он провёл один день и одну ночь, а потом старушка пришла за ним, чтобы вернуть. Теперь он понял свою вечную тоску: это была боль по утраченному счастью.

Он проходил по переходу мимо старушки сотни раз, но никогда не замечал своего доброго гения, ангела-хранителя и проводника в лучший мир, потому что не помнил её. А она всё это время ждала, старая женщина не забыла уговор.

Сергей вытащил десять рублей и положил нищей в вязаную шапку. Если бы он помнил о назначенной встрече, то давно бы пришёл. Ведь они условились, что старушка-проводник будет ждать его в переходе у станции метро «Комсомольская», на случай, если он захочет вернуться в Все высший из миров.

Сегодня Сергей попадёт в место, о котором мечтал, и останется там навсегда. Он может взять с собой Милу, если она этой ночью будет с ним, если она захочет… Парень обернулся, он хотел сказать своей девушке, что теперь всё будет хорошо, и им нужно попасть в квартиру, чтобы ночью навсегда уйти… Но не нашёл её рядом.

Она ушла, потому что тоже узнала старушку.

Сергей звонил ей на мобильный телефон, но тот был отключён. Он плакал и снова звонил ей.

У турникета в метро Сергей встретил плачущую Хлою, она вцепилась ему в руку, посмотрела. Оба плакали, и оба были удивлены такому совпадению. Он спросил первый:

– Что случилось?

Она отвернулась и ничего не ответила. Сергей погладил её по голове, привлёк к себе и повёл через турникеты.

В поезде Хлоя задремала на его плече, а после, когда они поднимались по эскалатору, вдруг обняла его, уткнулась в грудь и заплакала… Сергей за руку вывел девушку на улицу, там шёл дождь. Парень отпустил холодную ладонь Хлои и вытащил зонт.

Одной рукой он укрывал себя и спутницу от воды, а другой – снова звонил Миле. Её телефон не отвечал.

Хотелось бежать назад к станции метро «Комсомольская» и искать её, искать.

Неожиданная мысль вдруг успокоила его: «Дождь, сильный дождь! А у нас зонт! А в квартире тепло!» Он радостно улыбнулся…

Дома Сергей посадил заплаканную Хлою в кресло, дал ей плед и пошёл на кухню – заваривать чай. На улице было черно и дождливо, он мёрз то ли от холода, то ли оттого, что перенервничал. Вернувшись с подносом, на котором стояли стеклянные турки, чайник и бутылёк с бальзамом из мёда и трав, он заметил, что Хлоя, несмотря на шерстяной плед, дрожит. Он включил обогреватель и сел пить чай около окна. Девушке было холодно, Сергей подвинулся к ней, приобнял. Они смотрели на промозглую сырость во дворе, чувствовали, как согреваются. «Уютный уют», – мелькнуло в мыслях. Фраза была с кем-то связана, парень уже забыл, с кем.

По стеклу ползли капли, за окном холодно, а рядом электрокамин, сами они в мягких креслах, завёрнуты в один длинный плед, на журнальном столике поднос. Хлоя и Сергей время от времени прихлёбывали сладкий от бальзама чай… Уютный уют!

Кто-то потёрся о ногу Сергея.

Кот.

Парень не удивился, хотя у него никогда не было животных. Он уже понял, что некоторое время находится не в своем мире, а в том, о котором мечтал. Счастье наполняло его. Счастье в том виде, о каком он мечтал, окружало и его, и его девушку. Вечную спутницу. Теперь Сергей и Хлоя связаны навсегда.

Он посмотрел на неё, привлек к себе и поцеловал в губы, она неясно ответила на поцелуй. Он вспомнил, что в детстве пообещал духам – когда он вернется в Всевысший из миров, то не сможет взять с собой кого захочет. Спутницу ему должны были выбрать они.

А с Милой и Новиковским случилось другое…

– Убийца! «Враг с серебряным колокольчиком», она убила его! – так сквозь слёзы много лет назад говорила мать.

Людмила признала в старушке то, чем пугали девушку всё детство…

Ещё недавно, часов пять назад, Мила заглянула в зеркало на двери купе и задалась мыслью о том, почему она маленькая, а тело её полненькое и словно сплющенное. Ей было неясно, а теперь всё встало на свои места. Она такая, потому что так выглядят все молоденькие тролли.

Лишь до определённого возраста Мила будет похожа на человека, в двадцать пять лет её миленькая мордашка превратится в отвратительную пасть. Пока есть молодость и смазливое личико, нужно заманивать людишек типа Сергея, чтобы однажды сожрать.

С ней случилось вот что: она забыла свои вчерашние дни, начиная с рождения, и вспомнила новое прошлое.

Почувствовав себя троллем, она захотела наброситься на Сергея, чтобы перегрызть горло, повалить его на грязный пол подземного перехода, а потом, откусывая по кусочку от тела молодого человека, запихать всего в утробу, но старушка снова позвонила в колокольчик, и Мила не посмела съесть Сергея.

«Враг с серебряным колокольчиком» представлял силу, против которой у троллей не было власти. Девушка побежала прочь по переходу.

На лестнице её ждал Новиковский.

– Тебе со мной, – сказал он просто.

Максим подхватил девушку, взвалил на спину и пошёл с ней, ускоряя шаг. Скоро он уже бежал, а Мила поняла, что её похищает, тащит в свою нору такое же, как она, чудовище. Она была в восторге!

Отец Милы был словацким троллем, он влюбился в маму, когда та была с геологической экспедицией в горах Чехословакии: он долго следил за людьми, а однажды ночью пришёл в лагерь и растерзал мужчину, который ночевал с ней. Женщина от страха упала в обморок, и, пока она лежала, тролль тихо жрал съестное в палатке, он даже сжевал заварку, потом чудище взвалило на плечи бесчувственную женщину и понесло её по тропам вверх.

В пещере он жил с ней, как с женой, почти год, но каждый день помнил неотвратимое – пройдет двенадцать месяцев, и самка человека превратится в безобразное нечто, она станет горным троллем, таким же, как и он сам. Муле не хотел портить лицо и тело супруги, он решил обхитрить древний закон и отпустил женщину домой. Ему хотелось жить с женщиной, а не с тролльчихой.

На прощание он откусил ясене палец, чтобы помнила и не изменяла, чтобы ждала, а главное, чтобы найти её по запаху плоти, крови, испарины или слёз. Теперь он чуял её за тысячи миль.

Она ушла, он затосковал и через месяц не выдержал, ринулся следом. В пещере тролль жил четыре тысячи лет, но забыл своё жилище через мгновение.

Чудище шло по подземным пещерам, катакомбам, шахтам, оно пробиралось из Словакии в столицу СССР. Под Киевом и под Москвой он попадал в странные подземелья, которые люди называли «метро». Его пугал не шум поездов, не яркий свет – неприятно удивляло, что под землёй, в месте гномов и троллей, ходят люди. На глаза он им не показывался, прятался. Злость брала своё, он незаметно убил троих в Киеве и одного в Москве. Хотя, в общем-то, последнего он придушил случайно, столкнулся в тоннеле, тот что-то починял, тролль выхватил у человека разводной ключ и проломил голову. Не было выбора, а если откровенно, то в московском метро было не до убийств – явственно чувствовался запах жены, чудовище жаждало поскорее её полапать и облобызать, страсть заставляла его торопиться.

Тролль нашел нужную квартиру через час, отсиделся, пока стемнеет, в подвале, потом влез через окно и сразу по-хозяйски забрался в постель. Она будто ждала его: не удивилась, подалась вперёд, вся трепетная, страстная… Тролль понял, ей тоже нравится быть с ним, после этого он твёрдо решил, что никогда не съест эту женщину, даже если очень захочется. А ещё – о счастье! – теперь они могли больше не расставаться. Проклятье миновало: прошло больше года, роковой день позади, теперь можно не бояться.

Скоро самка человека родила ребёнка, он назвал девочку Милославой, подразумевал, что та будет «милая и славная», хоть и тролль. Жена называла дочь по-русски Людмилой, так ей было привычней.

Милочка помнила, как она была ещё маленьким троллем, как лежала в своей кроватке, а папа подходил и осторожно заглядывал одним глазом через деревянное ограждение, завешенное одеялом. Она видела лишь половину лица тролля и его большой круглый горящий глаз, но не боялась, инстинкт говорил ей, что он неопасный, потому что не чужой, а свой.

Девочка тянула ручки и пыталась ухватить существо за нос, но лицо тут же исчезало, как будто его и не было.

Да, она тролль! Мила вспомнила про себя то, что она злобный тролль! (Хотя ещё недавно помнила совсем другое прошлое…) Она тролль! Именно поэтому Мила боялась полюбить и ненавидела влюблённых людей! Злые существа и духи боятся светлых чувств. Именно поэтому, когда она читала книги, то хотела быть на стороне зла, Мила обожала подонков и желала быть с ними близка, как женщина, а таких, как Сергей, она должна съесть.

Отца убила древняя старуха, «враг с серебряным колокольчиком», и всё это произошло, потому что он полюбил. Тролль не должен привязываться ни к себе подобному, ни к человеку, ни к какому-нибудь другому существу, но её отец потерял бдительность и полюбил, и поэтому превратился в человека, старуха превратила его, потому что: «Злые духи боятся любви!», а, полюбив, тролль перестал быть троллем.

Мила помнила, как убивалась мать: «Убийца! «Враг с серебряным колокольчиком», она убила его!»

Превратившись, бывшее чудовище стало привлекательным молодым человеком, он пожил с ними ещё немного и ушёл: её некрасивая мать была хороша только для тролля, человек же мог найти себе самку лучше. Он разлюбил мать, но не превратился назад! Мила всегда сожалела об этом, как и её мать.

Дух любви, старуха с серебряным колокольчиком, сломал жизнь её матери. А вот она, Мила, будет счастлива, потому что она встретила своего тролля!

Новиковский принес девушку в квартиру Хлои. Он положил её прямо на могилу, на мраморную плиту. Какая-то пелена стояла перед глазами девушки. Сначала она думала, что это всё от слез, но потом поняла.

«Белый дым…»

Она на секунду вспомнила другое прошлое, как она бежала по лестнице в квартиру от чего-то сверхъестественного, как боялась злого присутствия в комнате… Она поняла, кого боялась – злого человечка с зубами-иголками, ожесточенного духа, который приходит белым дымом и высасывает жизнь…

Но тут же Мила забыла всё и помнила лишь, что она тролль, а белый дым часто ходит вместе с такими, как она. Эта сущность – нечто вроде собаки у людей. Мила почувствовала себя вернувшейся домой.

И с тех пор она жила в этом страшном месте, у могилы, со своим мужем троллем – Максимом Новиковским. Веки вечные.

А Сергей с Хлоей пили чай у камина. Всем было хорошо.

История вторая (альтернативная)

Они шли по подземному переходу и думали примерно об одном и том же – о Ховринской больнице, – все, кроме Новиковского, который не умолкал ни на минуту. Он говорил гадости об общих знакомых и делал это с извращённым удовольствием. Мила один раз попыталась его оборвать:

– Ну не трынди уже, как радио! Новиковский ФМ!

– Трын-трын-трын, – ответил он и гаденько улыбнулся.

Сергею казалось, что нет другого выхода, кроме как побывать в Ховринской больнице, тогда он освободится от страхов и ужасных снов. Эта мысль засела в нём, как кол, и не давала думать ни о чём другом.

Не дойдя три метра до нищей с серебряным колокольчиком и тем самым изменив свою судьбу, он сказал:

– Давно хотели в Ховринскую больницу сходить. И всё никак не сходим.

Глаза Новиковского заблестели от злобы, но ответил он на удивление миролюбиво:

– Идёмте, фунтики, сейчас. Всё равно воскресенье и делать нечего.

Людмила поняла, что думает о Ховринской больнице уже минут пять.

«Серёжа как будто мои мысли читает…» – удовлетворённо решила она и тут же сделала вывод: это потому, что он её любит.

Она так же, как и Сергей, считала, что нужно пойти в ховринский недострой: хоть и было страшно, там мог её встретить Смотрящий из темноты, но страх надо перебороть, она понимала. Он в любом случае когда-нибудь встретит её: если это случится сегодня в больнице, то она хотя бы будет не одна.

– Мила, ты не против? – спросил Сергей.

– Нет.

Хлоя согласно кивнула, хоть у нее и не требовали. Она, с одной стороны, не смела спорить, потому что сейчас больше всего боялась остаться одна; с другой стороны, после пережитого ужаса поход в больницу не казался ей значительным событием.

Они пошли к метро.

Если бы не лёгкое помешательство, которое по воле каких-то потусторонних сил овладело четырьмя молодыми людьми, то этот поход им бы показался безумным. Они даже одеты были в шорты и футболки; Хлоя, хуже того, вообще шла к проклятому недострою в вечернем платье и в туфлях на высоких каблуках.

Человек здравого ума, раз уж ему необходима такая экскурсия, предпочёл бы всему джинсы, плотную рубашку и закрытую обувь типа «гриндерс», но они об этом даже не думали.

На эскалаторе, когда спускались под землю, в поезде, а потом и в автобусе ехали молча, а когда достигли цели, то каждому почудилось, что к больнице их перенесла невиданная сила за один миг.

Недострой, казалось, высился над спальным районом, хотя был выше окружающих его домов всего на пару этажей. По периметру его отделяла колючая проволока, в которой зияли проломы. Лазы были сделаны как будто специально, чтобы заманивать подростков, ну и вообще пытливых людей, внутрь.

Помешкав, они шагнули через большущую дыру в ограде, и вдруг каждый из них почувствовал одно и то же: укол в сердце тонкой спицей.

«Зачем я здесь?» – подумал каждый.

Они смотрели вокруг удивлённо, словно проснулись в незнакомом месте и теперь хотели понять, как попали сюда? Волшебство рассеялось.

Максим, Сергей, Мила и Хлоя смотрели вперёд и видели лишь недостроенное здание, пустое, громоздкое, высокое. Оно им не казалось таинственным и опасным; грязным, нелепым, вызывающим отвращение – да, но ни в коем случае не страшным.

Они поплелись к больнице, и каждый понимал, что делает это по инерции, хотя идти туда незачем.

Где-то загавкала собака.

Сергей вспомнил, что больница охраняется, попасться охране не хотелось. Их бы повезли в отделение милиции, принялись бы вымогать деньги.

У подъезда валялись осколки кирпичей, размокшие пачки из-под сигарет, замызганные пластиковые бутылки, обёртки шоколадных батончиков, окурки. Они прошли до лестницы и поднялись на три пролёта. Внутри больницы пахло пылью. Двигались наобум и случайно повернули в комнату, где на полу лежали коробки и в углу на вонючих старых одеялах спали люди. Некоторые бомжи настороженно приподнялись.

Так вот обиталищем каких «злых сил» оказалась Ховринская больница!

Россказни о тёмных духах оказались бредом, как впрочем, и о том, что после нескольких самоубийств это место усиленно охраняется.

Новиковский почувствовал лёгкость. Злыдня больше в нем не было.

В следующей комнате под ногами захрустела яичная скорлупа. Это показалось удивительным…

Комната покрыта толстым слоем скорлупы.

– А, я понял, – вспомнил Сергей. – Это яичная палата. Читал про неё в Интернете. Бомжи где-то разжились огромным количеством яиц, и ели их тут, а убирать за собой не хотели.

– Понятно, не хотели. Бомжи же, – сказал Новиковский.

– Очень мило, – отозвалась Хлоя.

Мила молча прижалась к Сергею. Люди постояли в нерешительности. Делать тут было нечего, но уходить быстро тоже как-то странно. Зачем столько было сюда идти?

– Давайте на крышу поднимемся, говорят, там вид на район открывается. На мобильник пощелкаем, – рассеянно предложил Максим.

– Да какой там вид может быть, – отмахнулся Сергей.

Но они всё равно пошли наверх.

Крыша была изрисована граффити. Во все стороны действительно открывался вид на спальный район, и кому-то это могло показаться красивым. Люди остановились у одного из ограждений, как вдруг почувствовали ужас. Кожу покалывало, словно от электрического разряда, волосы зашевелились. Сергею даже показалось, что он видит в волосах Милы искорки.

Ощущение нереальности происходящего, вера в потустороннее – вернулись. Люди как будто сначала прошли в измерение, где Ховринка была простым недостроем, потом вернулись туда, где больница проклята и несёт смерть… Кто-то шёл к ним…

Мила и Хлоя закричали. К ним двигались двое, тела их были аморфные, полупрозрачные. Они остановились и помахали руками, подзывая к себе, и тут молодые люди всё вспомнили, и вздох облегчения вырвался у них…

Они подошли, куда указывали привидения, и всё закончилось.

Глава четырнадцатая В мире…

И всё встало на свои места: то, что они призрачно ощущали, – сбылось. А именно…

Очень необычно чувствовал себя Сергей каждую ночь. За мгновение до сна парень вдруг понимал что-то главное. Иногда он пытался ухватить это, дабы осмыслить, но оно разваливалось. Состояние было похоже на преддверие сумасшествия.

Иногда ему казалось – он понимает, откуда оно берётся. От разочарований.

Первое разочарование пришло, когда Сергею было три года. Ему сказали, что он умрёт, и после этого в нём словно что-то разбилось, а из трещин полезли страхи. Его утешали бабушка и дедушка, они говорили, что он совсем маленький, и ему ещё жить и жить, поэтому о смерти думать не стоит.

Но они не понимали, что Сергей не хотел жить долго, он хотел вечности. Тогда он научился бояться мрака и холодной могилы – взрослые предупреждали, что через десятки лет его ждёт небытие, и от этого он боялся жить. И вот уже, когда он вырос, перед сном, из какого-то высшего информационного поля Сергей выхватывал истину, которую он уразумел так: человек предназначен для счастья, безопасного существования, и он бессмертен.

Каждую ночь он слышал чьи-то голоса, каких-то доброжелательных людей: они объясняли ему, в чём дело, и почему он не должен бояться умереть. Их слова заставляли его

вспомнить о том, что он вечен, и ему становилось радостно, потом всё ускользало туда, куда Сергей не мог идти, в тёмную пропасть.

Он всё забывал. Истина не давалась ему. Он пока не мог последовать за ней.

Со временем Сергей понял, что не нужно стараться осмыслить эти галлюцинации, их можно почувствовать и попытаться оторвать кусок и так, частями, втащить в реальность. Иногда это получалось, и он кое-что понимал.

А теперь вдруг вспомнил всё, потому что вернулся.

Он словно снял с фокуса своего сознания пыльную плёнку и увидел мир в полный цвет: реальность, не искаженную «интересной игрой», Сергей наконец-то вспомнил, что человек бессмертен, а его жизнь – это счастье, счастье, счастье. Непроходящее, нетленное вечное счастье. И скука.

Игру они называли – «Вечная тема». Это единственное, что спасало от адской тоски, от надоевшей вечности и от счастья. Хотя после возвращения из игры в реальность счастье казалось долгожданным, а обыкновенный порядок жизни – чем-то нереальным, новым.

Сергей медленно приходил в себя, вспоминал пережитую игру и удивлялся большой, а скорее больной, фантазии людей, придумавших её.

Потом он вспомнил, что придумал игру вместе с друзьями: Максимом, Володей, Людмилой, Аней, Валентиной, Дашей, Антониной. Помогали ещё люди, которые раньше играли в их компании, а теперь играют в другой.

Друзья сейчас лежали в комнате на креслах в виде уютных плюшевых медведей, лицом вниз, лбом прикасаясь к магнитному контакту, который транслировал сценарий игры в мозг.

Светильники на стенах светились еле-еле красным. Люди с трудом приходили в себя, они пытались понять, куда попали на сей раз, и, узнав в полутьме знакомую квартиру, успокаивались. Кто-то пытался встать сразу, кто-то отлеживался.

Темы изменялись постоянно и с каждым разом становились всё ярче, ощутимей, не оставалось почти никаких шансов вспомнить в игре, что это игра, а главное, тема становилась всё безумней.

Чем больше играешь, тем реальней себя чувствуешь в теме, какое бы безумие в ней ни происходило.

Сколько необычных фантазий воплотились в мировую концепцию игры! Миллионы миллионов.

Например, чего только стоит флора и фауна миров темы. Кто-то из авторов придумал нечто ползающее и жалящее – и назвал животное «змея», – или многолапое, агрессивно окрашенное – «паук». Другие фантазии не менее странные: в некоторых мирах можно было съесть ягоду и исчезнуть навсегда. «Умереть».

Это нелепо, но там, когда ты в теме, это вызывает не удивление, как сейчас, а страх, а иногда и ужас. Только придумав тему, люди научились бояться. Это спасает их от скуки вечного счастья.

Сергей включил яркий свет. Пока друзья возвращались в реальность, он подошёл к небольшому окну в конце длинной комнаты. Яркое солнце освещало зелёный-зелёный лес. Он провел рукой по цветку, который рос в горшке на подоконнике, – пыль, осевшая на лепестках, не прилипла к его пальцам, не пачкалась, как это было бы в любом из миров темы, в реальности она лежала на коже крупинками, золотившимися на солнце. Крупинки пыли были прекрасны, как и всё в реальном мире! Сергей был дома и был счастлив, что вернулся в нормальный предсказуемый мир!

– Мало поиграли, – сказал Максим Новиковский сонно.

– Давай ещё, – хрипло предложила Мила. – Ты как?

Хлоя кивнула и сладко потянулась, сознание её вернулось из игры только наполовину.

Вадим, Миша и Александра еще не очнулись: их роль в прошлой теме – «наблюдатели», они были духами мира и должны изредка вмешиваться, когда игра становилась недостаточно интересной. Они могли видеть всю игру, летать по улицам, заглядывать во все дома, и они иногда вспоминали о том, что игра – это игра. Хотя большую часть игры были в образе. Сергей раньше тоже любил быть наблюдателем-духом, но с недавнего времени ему наскучило, и он выбирал роль персонажа.

Сергей смотрел на лес: они не выходили из квартиры уже несколько месяцев.

Никто не помнил, кто придумал играть, – это было очень давно. Существовало две версии:

Первая: Так было всегда.

Вторая: Когда-то давно люди верили, что наступит Конец Света, его назначали много раз, но он не приходил. Вместо этого медицина и техника развивались, и вскоре люди стали всесильными и бессмертными. Так мир стал уютным, но скучным.

Оставалось только играть. Миры моделировались автоматически из представлений о прошлом, из мифов и фантазии игроков. Многие хотели пострашнее и потруднее. Все миры были связаны, запараллелены Интернетом, все игроки имели своё игровое имя, например, у Сергея оно было writer. При желании в мирах, если знать имя, можно связаться с любым игроком через Интернет. А если знать пароль мира, то можно странствовать по параллелям, не выходя из игры.

– Давайте играть! – сказал Новиковский.

Уже все пришли в себя. И тут же засобирались в новую игру.

– Играйте, – Сергей вышел из комнаты, он решил прогуляться.

А остальные решили зайти в тему «Мистер Майка». Хлое очень нравились сказки об Англии.

Мистер Майка

«Максим Новиковский иногда бывал хорошим мальчиком, а иногда плохим, и когда он бывал плохим, то уж из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

– Ах, Максим, Максим, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, не то тебя мистер Майка заберёт!

Но всё равно, когда Максим бывал плохим мальчиком, он обязательно убегал со своей улицы. И вот раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понёс к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Максима из мешка, поставил на пол и ощупал ему руки и ноги.

– Да-а, жестковат, – покачал головой мистер Майка. – Ну да всё равно, на ужин у меня ничего больше нету, а если тебя отварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем горький. Хлоя! Ты слышишь? Поди сюда, Хлоя! – позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

– Чего тебе, дорогой?

– Вот мальчишка – это нам на ужин, – сказал мистер Майка. – Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

– Не беспокойся, милый, – ответила миссис Майка, и мистер Майка ушёл.

Тут Максим Новиковский и спрашивает миссис Майку:

– А что, мистер Майка всегда кушает на ужин мальчиков?

– Частенько, миленький, – отвечает ему миссис Майка. – Конечно, если мальчики плохо себя ведут и попадаются ему под ноги.

– Скажите, а нет ли у вас чего-нибудь другого на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга? – спросил Максим.

– Ах, как я люблю пудинг! – вздохнула миссис Майка. – Только мне так редко приходится его кушать.

– А вы знаете, моя мама как раз сегодня готовит пудинг! – сказал Максим Новиковский. – И она вам, конечно, даст кусочек, если я её попрошу. Сбегать, принести вам?..»

New Game…

Гусариум

Сюжет: Антология альтернативно-исторической фантастики, посвященной событиям Отечественной войны 1812 года.

* * *

Очередной «иум» из серии «Антологии» издательства «Снежный Ком М» выполняет сразу две задачи. Первая лежит на поверхности, вторая очевидна лишь вдумчивому читателю, который знаком с основными тенденциями отечественной фантастики. С одной стороны, это «парадный» сборник, посвященный двухсотлетию Отечественной войны 1812 года, пропагандирующий патриотизм, честь, мужество и другие вечные ценности, – соцзаказ как он есть. С другой стороны, большинство рассказов сборника представляют собой деконструкцию «попаданческого» жанра. На небольшом пространстве «малой прозы» авторы высказываются о наболевшем: доколе уже наши современники-супергерои будут почём зря проваливаться в прошлое и перекраивать его по своему усмотрению?! Чай не костюм перешиваете! И есть все основания полагать, что менять реальную историю – занятие не такое простое, как может показаться поклонникам лихих альтернативно-исторических боевичков про бравых спецназовцев, башковитых сисадминов и стервозных домохозяек.

Тон «Гусариуму» задаёт открывающий его рассказ от составителя антологии Андрея Волкова. «Гусарская дорога» начинается как сотни других «попаданческих» произведений: юноша и девушка из нашего времени каким-то чудесным образом переносятся в 1812 год накануне вторжения Наполеона. Однако, вопреки штампам жанра, они вовсе не делают там сумасшедшую карьеру и не завоёвывают мир. Герою оказываются совершенно ни к чему его сисадминские навыки и обрывочные школьные знания: в России начала XIX века он недотёпа, способный лишь работать в лавке приказчиком. А героиня, хоть и осваивает мужские военные премудрости, всё же не становится кавалерист-девицей: личное счастье с влюблённым в неё бравым гусаром оказывается важнее.

В центре самых удачных рассказов сборника – люди и их отношения, а не хитросплетения исторических событий и не технологические подробности, которым некоторые отечественные авторы уделяют незаслуженно много внимания. Истории об авиации времён Отечественной войны («Махолётного полка поручик» Владислава Русанова и «Аэростат» Александра Владимирова) смотрятся занятно, но не боже того. Игры спецслужб, которые сражаются за изменение истории («Пораженец» Олега Быстрова, «Свой путь» Ольги Дорофеевой, «Бородино» Игоря Черных) вообще выглядят банально, особенно когда текст пересыпан выспренними патриотическими речами. Все подобные опусы – к счастью, таковых в сборнике немного – легко затыкает за пояс Далия Трускиновская с рассказом «Ничей отряд», который посвящен не столько путешествиям во времени (хотя их концепция в рассказе довольно занимательна), сколько взаимоотношениям цирковых акробатов, случайно попавших в прошлое. Об этом оказывается интереснее читать, чем о конструкции аэростатов или ходе Бородинского сражения.

Прекрасен и другой рассказ Трускиновской – «Гусарский штос». Он посвящен малоизвестным у нас событиям войны с Наполеоном, происходившим в Прибалтике, и использует популярный сказочный сюжет – о бравом солдате, которые играет в карты с нечистой силой. Написан рассказ от лица главного участника событий (гусара, а не чёрта), что придаёт тексту почти гоголевский колорит. Ещё одна «стильная штучка» сборника – «Череп Робеспьера» Дмитрия Богуцкого, в которой тема изменения истории плотно переплетена с мистическими

мотивами, а автор демонстрирует редкое умение создавать ярких персонажей несколькими штрихами.

Ударным завершением сборника стал «сообразённый на троих» рассказ-игрушка Александра Гриценко, Николая Калиниченко и Андрея Щербака-Жукова «Триумвират. Миссия: спасти Наполеона», где трое «литературных негров» Льва Толстого чуть было не превращают роман «Война и мир» в приключенческо-супергеройское чтиво – и ненароком влияют на реальность, да так неудачно, что им приходится исправлять ситуацию самолично, с оружием в руках. Объект высмеивания здесь – конечно, тот простой факт, что в образе своих героев-суперменов авторы «попаданческой» литературы всегда изображают себя. «Может, хватит уже сублимировать, братцы?» – как бы спрашивают нас авторы «Гусариума».

Итог: Самоирония – полезное качество, и большинство авторов «Гусариума» демонстрируют его сполна. Задорная и эффектно составленная антология, одна из удач издательства.

А. Гриценко, Н. Калиниченко, А. Щербак-Жуков

Триумвират. миссия: спасти Наполеона

Граф зевнул, глянул в открытое окно, обмакнул перо в чернила и взялся писать.

За работой Лев Николаевич всегда сосредотачивался сверх меры, шептал, щурил глаз, горбился и сжимался, что смотрелось нелепо при его дородной фигуре. Выглядело так, словно писатель хочет втиснуться в желтоватый квадрат листа, будто лист – заветное оконце в неведомый дивный мир. Толстой хорошо знал про свою особенность. Однако старая привычка, взятая ещё в нелюбимой казанской «бурсе», никак не исчезала.

Перво-наперво граф вывел большими буквами титул: «Целеполагание на день». Потом подумал немного и продолжал.

1. Обливаться ледяной водой.
2. Пить чай на веранде.
3. Велеть Димитрию починить тын вокруг выгона.
4. Пройти не менее версты до реки.
5. Купаться в реке.
6. Полить Деревце Сефирот.
7. На обед отказаться от мясного, но ежели куропатку подадут – сильно не упрямиться.
8. После обеда – сон, потом обливание.
9. Работать над В и М (!убить Наполеона!).
10. Обратить трёх мужиков к внутренней гармонии.

Тут Лев Николаевич нахмурился, выпростал из увесистого кулака палец и зачем-то погрозил своему отражению в блестящей поверхности большого самовара. Потом вымарал «трёх» и надписал сверху «не менее дюжины». И добавил: «Ежели не обратятся – пороть».

Он призадумался. План выходил хороший, но чересчур насыщенный. Тем боже что ввечеру должен подтянуться из Бирюковки Савва Тимофеевич и придется как пить дать метнуть с ним банчок. А это значило, что нужно давать распоряжения насчет вина и табаку и закуски и много чего ещё. Да и времени оставалось мало. Следовало от чего-то отказаться. На первый взгляд роман казался важнее, но тут встали пред графом как наяву негармоничные, угрюмые мужики и дело решилось. От пункта девять Толстой провёл жирную черту, увенчал ее стрелой и подписал «Триумвират». Потом встал и вышел вон. За графом поднялся и самовар, влекомый силами двух дюжих слуг.

Лев Николаевич шагнул во двор, освободился от халата, оставшись в чём мать родила, ухватил бадью с ключевой водой и с громким «х-ха!» опрокинул ее на себя. Затем обтерся

насухо, облачился в простую рубаху, штаны из сукна и сапоги. Граф обогнул усадьбу посолонь, прошёл под старыми грушами и оказался в укромном дворе, где за столом ждали его члены триумвирата. На столе имелись варёные яйца, картофель, лук, квас и початая бутылка горькой, из чего молото было сделать вывод, что ждали уже некоторое время. При виде хозяина трое мужчин вскочили и разом пожелали Льву Николаевичу здравия, величая его «ваше высокопревосходительство!». Дело было в том, что последнее время в романе шла война, и Толстой требовал армейского антуража.

Граф оглядел свою тайную гвардию. Ближе всего стоял бывший гувернёр Сен-Том, тощий седой старик с длинным носом и упрямым подбородком. Гувернёру принадлежала большая часть французского текста в романе – граф неплохо изъяснялся и читал на языке Руссо, но писать категорически не любил. Рядом с французом расположился Тихон, бывший крепостной, а ныне учитель в крестьянской школе, человек хитрый и язвительный, мастер до всяческих интриг и неожиданных сюжетных меандров. В дальнем конце стола высился Степан Сагайдаш – знакомец графа по кавказским делам. Сагайдаш и в литературе оставался лихим казаком, любил описывать сражения и воинскую доблесть. Его усилиями литературный вариант сражения под Аустерлицем чуть не закончился безоговорочной победой союзников. Однако Лев Николаевич не дал таланту развернуться. Напомнил Степану про историческую достоверность и сцену переписал.

Эти трое помогали графу в том, что он именовал словечком «проект».

– Стало быть, государи мои, диспозиция у нас следующая, – Лев Николаевич взял большую картофелину и расположил ее посреди стола, – пришла пора баричу Пьеру покуситься на Бонапарта.

– Дело-то непростое. Момент больно важный, – Тихон огладил бороду, глянул на товарищей. Мужчины согласно закивали – не взяться бы лучше вам самому, батюшка Лев Николаевич.

– Неча, неча, – нахмурился писатель, – сами управляйтесь, дела у меня.

– Кому же выпадает честь плести сюжетный нить, *maitre?* – поинтересовался француз.

– Промеж себя разбирайтесь, – громыхнул герой Севастополя.

– А мабуть, этого Буонопартия – того, – заговорщицки подмигнул Сагайдаш, – убить… Пусть Петруша его – кинжалом. Аль из пистоли…

Граф задумался, воздел очи к потолку, затем поскрёб в основании бороды и только после того промолвил:

– А это, государи мои, как сюжет выведет. Опять же разбирайтесь промеж себя.

– Ну, это как-то… Супротив исторических фактов может выйти, – с тревогой глянул на Сагайдаша, а затем на графа опасливый Тихон.

– Правда искусства и правда жизни – вещи разные. А подчас даже – несовместные. И живут по различным законам… – Граф снова почесал заросшее горло, а потом заметил уже как бы сам себе, вполголоса: – Надо бы записать. Сейчас никто не поймёт, а лет через сто, может, кому и пригодится…

Не выходя из задумчивого состояния, граф развернулся и, не попрощавшись, вышел в сад.

* * *

По аккуратной дорожке граф вышел к любимому деревцу. Эту вишенку Лев Николаевич собственноручно посадил пару лет назад. Прошедшей весной деревце заметно прибавило в росте, пораскинуло упругие ветви вширь. А когда-то это был жалкий саженец с вялыми запылёнными листиками. Граф увидел его у забора одной из крестьянских изб. Юное и неказистое деревцо косо стояло в стороне от ворот, предназначенное то ли на про-

дажу, то ли просто для выкидывания в компостную яму. Что-то необъяснимое зацепило сердце Льва Николаевича и заставило остановиться. Он кликнул хозяев. Вышла баба в неопрятной залатанной юбке, натянутой под самые подмышки.

– Что за деревцо?

– Вишня, – был ответ.

– Какой сорт? – спросил просвещённый граф.

– Укусная, – прошамкала баба.

– Я верю, что она вкусная, сорт-то какой? – не унимался Лев Николаевич.

– Так я же и говорю: сорт ея – вишня укусная! – чуть не по складам, словно малому дитю, пояснила баба.

Граф от души рассмеялся и забрал саженец. Лев Николаевич сам выбрал для деревца место в своем саду, собственноручно посадил его, регулярно поливал и называл почему-то Деревцем Сефирот. Как раз тогда граф начал брать у раввина Минора уроки иврита и основ каббалы – диковинные для русского языка слова потешали Льва Николаевича, и он, видимо для лучшего запоминания, старался приспосабливать их в повседневном быту. Так любимая вишня стала Деревцем Сефирот.

Лев Николаевич, чуть кряхтя, нагнулся и полил основание ствола водой из садовой лейки, затем коснулся упругих темно-зелёных, словно вода в заводи, листочков. Граф любовно, как будто непослушные вихры на голове ребёнка, потормошил листву вишни.

– Да-а-а… – удовлетворённо прошептал Лев Николаевич. – Деревцо Сефирот.

Завершив немногословное общение с любимым растением, граф развернулся и пошёл назад в усадьбу.

Поскольку времени писательской троице граф дал до утра, за работу решили садиться незамедлительно после его ухода. Француз принёс писчей бумаги, перьев и чернил.

– Значится так, милсдари, делать нечего. Надобно начинать. Пьер наш уже в Москве, на квартире, стало быть… Болконский ранен, Наташа не отходит от него, – привычный к работе Тихон постелил перед собой лист.

– Начинай, друг Тихон, – кивнул Сагайдаш и налил себе из бутыли в походную чарку. – Начинай с Андрея и Ростовых, а мы уж попозже подключимся…

– Я бы, с позволения вашего, взялся писать про императора. Вторая линия – дело обычное, n'est-ce pas? – Сен Том тоже расположил перед собой лист.

– Ну и бог вам в помощь, Петрушу тогда мне оставьте покамест, – казак опрокинул чарку и закусил луком. Вскоре он уже мирно спал, привольно устроившись на траве в тени старых груш.

Тихону храп Степана не мешал. Он отрешился от всего и мысленно перенесся в Москву, где пахло дымом и был сентябрь…

Добрый Тихон будил неясно. Да только Сагайдашу от этого легче не было.

– Батюшка, Степан Тимофеевич, – шептал мужичок, опасливо подёргивая казака за воротник, – ужо долгонько почиваете… пора бы и за дело взяться.

Словно две серебряные спицы пронзили мозг Степана от шеи к затылку. И всё его содержимое заполыхало далёким ещё предутренним огнём.

– Оу-у-у… – произнёс он и добавил что-то совсем неразборчивое, но слегка похожее на фразу «еноты-бегемоты».

Тихон, который был не силён в зоологии, пропустил бормотания Сагайдаша мимо ушей и не унимался.

– Вставайте, пора, пора…

– Оу-у-у… – повторил щирый казак. – Говорила моя бабушка: «Не спи на закате», – да я ее не слухал…

– И что же ваша бабушка говорить изволили? – с искренней заинтересованностью спросил Тихон.

– Голова болеть будет. Вот что.

– Голова у вас, батюшка, болит оттого, что вы горилки чрезмерно приняли.

– Не-е-е… – упорствовал Сагайдаш. – От горилки только польза бывает. А голова у меня болит оттого, что я спать улёгся на закате… и никто мне не помешал…

– Мы, милсдарь, – обиженно подобрав губы, процедил Тихон, – уже и про Андрея с Наташей всё написали, и про Пьера начерно… Вам, коллега, только расцветить деталями да подробностями остаётся.

– А от це – добре… – выдохнул Степан, окончательно приходя в себя. – Добре… Давайте листы, давайте. А сами идите спать. Я справлюсь. Не такие эскапады в боях совершали!

Добрый, но умный Тихон предпочёл молча ретироваться и оставить бойца наедине с исписанными листами.

…Как ни страшна казалась для графини мысль, что князь Андрей мог (весьма вероятно, по словам доктора) умереть во время дороги на руках её дочери, она не могла противиться Наташе. Хотя, вследствие теперь установившегося сближения между раненым Андреем и Наташей, приходило в голову, что в случае выздоровления прежние отношения жениха и невесты будут возобновлены, никто, еще менее Наташа и князь Андрей, не говорили об этом: нерешённый, висящий вопрос жизни и смерти, не только над Болконским, но над всей Россией, заслонил все другие предположения…

– Добре, добре… – только и шептал Сагайдаш, перебирая листы, исписанные его коллегами. – Ай, молодцы, ай, постарались… Ни прибавить, ни убавить… В самую что ни на есть тютелечку…

…Пьер проснулся третьего сентября поздно. Голова его болела, платье, в котором он спал не раздеваясь, тяготило его тело, и на душе было смутное сознание чего-то постыдного, совершенного накануне…

– Тю-ю! – только и смог произнести Сагайдаш и тут же поморщился.

Казак нервно огладил широкой ладонью больной затылок. Легче не стало. Не вполне осознанно он встряхнул подол своего костюма. Пыль поднялась, но чище платье, в котором он спал под деревом, не стало. О душе Сагайдаш в эту минуту предпочёл не вспоминать.

– Ну, нельзя же так, – произнёс казак себе под нос. – Ему Буонопартия убивать, а он… того… спит на закате… Негоже так. По-другому нужно…

И, с остервенением превозмогая головную боль, Сагайдаш принялся вымарывать строки своих коллег и писать поверх них новые…

…Часы показывали одиннадцать, но на дворе казалось особенно пасмурно. Пьер встал, протёр глаза и, увидав пистолет с вырезным ложем, который Герасим положил опять на письменный стол, вспомнил то, где он находился и что ему предстояло именно в нынешний день.

Он бодро вскочил с кровати и тут же сделал десятка два, а то и три, приседаний. Взбодрившись после сна, он выстроил руки перед собой на высоте и ширине плеч и совершил несколько энергичных поворотов торсом. Рельефные мускулы холодно поблескивали в сером свете молодого дня, будто были отлиты из стали. Радостно улыбнувшись скрытому за облаками светилу, Пьер упал вперёд на руки, сорок раз отжался, подпрыгивая при каждом подъёме и хлопая перед собой в ладоши. Потом сделал несколько жимов на обеих руках.

Совершая ежеутренний физкультурный обряд, Пьер вспоминал месяцы, проведенные в подвалах корнуэльского замка Тинтагель. На вид заброшенная руина имела под собой сложную систему казематов, залов и коридоров, устроенных ещё иезуитами, и приспособленную Орденом Золотой Зари для своих нужд. Пьер прибыл туда, имея рыхлое, заплывшее жиром тело, близорукость, отдышку, потливость членов и постоянное желание прилечь. Единственное, что заставляло его тогда передвигаться и действовать, – это искреннее и страстное, идущее из самых глубоких закоулков сердца стремление уничтожить Наполеона Бонапарта.

Агент Ордена вышел на Безухова ещё в Париже. Карлик в атласном колпаке и расшитой басурманской безрукавке вдруг отделился от шумного маскарада, сотрясавшего влажный воздух Елисейских полей, и приблизился к одинокому русскому, в нерешительности застывшему под цветущими сливами. Наклонил и без того низко сидящую голову, заглянул в глаза.

– С вами желают говорить, *мон ами,* – схватил за руку и повлёк Пьера в самую гущу языческой пляски. Угольные и карминные, изумрудные и золотые взметнулись перед Безуховым праздничные покровы парижан. Петухи с острыми клювами, многоглазые восточные демоны и усатые рыбы вдруг расступились, открывая глаз бури – поляну спокойствия в буйстве красок. Там за изящным белым столиком на табурете неподвижно сидела Смерть. Одежды Таната были черны и, казалось, вырастали из жирной вспаханной червями земли. Хищно и не иллюзорно поблескивало лезвие косы. Рядом с мрачным ангелом был свободный стул, и Пьер, внутренне содрогаясь, примостился на нём. Карлик тут же поставил на стол кувшин с вином, разлил рубиновый сок по бокалам. Потом была беседа. Смерть говорила с Безуховым на русском языке. Звучный и сильный голос набатно вздымался в голове графа. Вскоре он стал отвечать и увлёкся беседою. Речь шла о роли человека в истории и о том, как годами выстраиваются цепи тончайших взаимосвязей, порождающих чудо прогресса и цивилизации. И теперь так долго выстраиваемое здание может рухнуть из-за одного недостойного.

– Корсиканец, – возвестила Смерть, – враг человечества. Он идёт, точно обезумевший слон в густом лесу. Без цели, без смысла, не разбирая дороги. Сокрушает устои, ниспровергает традиции. Его гвардейцы берут под конюшни древние святыни веры и омывают грязные лица свои в крестильных купелях. Новый Аттила, варвар без идеалов. Он должен быть ниспровергнут.

Может быть, так действовало вино, а может – сила, клокотавшая в голосе ряженого, но каждое слово, сказанное Жнецом, находило в душе русского барича благодатную почву. Личность Наполеона волновала его, и, как это часто бывает с предметом духовного внимания, интерес и благосклонная одержимость преобразовались в чернейшую ненависть. Распалённый словами незнакомца с косой, Пьер уже и сам уверовал в необходимость физической расправы над императором.

– Да! – страстно вскричал он наконец. – Варвар должен быть повержен!

– Верно, – Жнец поднялся и навис над Безуховым, угольный призрак на фоне абрикосовых небес. – Ты избран, чтобы сделать это!

– Я? – Очки Пьера от волнения запотели, и он снял их. Всё вокруг тотчас расплылось и перемешалось. – Но я не готов. Я… я даже стрелять не умею.

– Твоё нынешнее состояние не существенно. Разве может дерево или руда поразить закованного в доспех рыцаря? Но вот срезана ветвь и снята кора и смертоносная суть металла призвана из земли, отлита в форму и закалена. И перья хищной птицы собраны для дела. Так рождается стрела, до конца не зная, что она предназначена и готова пробить тяжелый панцирь и поразить тело.

Тогда Пьер вздохнул и отдался во власть незнакомца со всем пылом, какой дает человеку горячая юность.

Дальше были тайные встречи, каморы и подземелья, куда вели его с завязанными глазами. Свет контрабандистских фонарей в сердце дождливой ночи. Бешеная скачка по извилистой дороге. Пару раз Пьер видел памятного карлика, но больше ни разу не слыхал звучного голоса Таната. Только когда из утреннего тумана встали белые скалы Дувра, он понял, что его везут в Англию.

В Тинтагеле графа учили стрелять и разбираться в оружии, биться на мечах, саблях и кинжалах. А потом из темноты казематов явилась высокая и худая, как скелет, старая шотландка Фиона Макбрайд. Она стала учить Безухова Послушанию святого Тимофея. Это был набор ухваток, позволяющих побеждать противника без оружия. Надолго запомнил Пьер ее каркающий смех и длинную костяную трубку, при помощи которой старуха наставляла учеников.

Из Англии Пьер вернулся обладателем железных мускулов и несгибаемой воли, человеком, в совершенстве владеющим приемами тайного рукопашного боя, превосходным фехтовальщиком и стрелком. Даже зрение ему выправили – так что в очках больше не было нужды. Прежние знакомые не узнавали его на улице, да он и не стремился к общению. Все его действия после возвращения в Москву были подчинены одной цели – убить Наполеона.

Закончив физические упражнения бегом на месте, Пьер окатился холодной водой из кадки и насухо вытерся жёстким полотенцем. Затем он облачился в простую, мужицкую одежду. Поскольку она, в отличие от господского платья, во-первых, не сковывала движений, во-вторых – позволяла спрятать оружие. Надев просторные порты, Пьер медленно и без видимых усилий поднял правую ногу выше собственной головы и упёр её в верхнюю перекладину дверной притолоки. После этого коснулся лбом колена, проверяя растяжку. Тотчас открылась татуировка – красная саламандра, охватывающая лодыжку, знак высшего уровня Послушания. Граф улыбнулся и выдал короткую фразу на языке кланов – этим выражением Фиона выражала ученикам редкое, как оттепель в Сибири, удовлетворение.

Затем Пьер взял пистолет с вырезным ложем, что накануне приготовил для него Герасим, и спрятал его под рубахой. Не раз, обсуживая исполнение своего намерения, решал он сам с собой, что главная ошибка студента в 1809 году состояла в том, что тот хотел убить Наполеона кинжалом. Пистолет был вычищен и приведён в боевую готовность. Особая пуля, содержащая яд с сильным нейротоксином, имела на себе особую насечку – три буквы «LMN» – заглавие французской фразы, гласящей «Смерть Наполеону!». Уверенный в огнестрельном оружии Пьер всё же взял и кинжал – трёхгранный шип, кованный из тёмной стали, и спрятал его в потайной карман на рукаве.

Подпоясав кафтан незаметно утяжелённым на концах кушаком – любимым средством индийских тугов-душителей, и накинув шапку с небольшим кармашком для свинцовых дисков – тайного оружия испанских куэнхейра, Пьер бесшумно прошёл по коридору и выскользнул на задымлённую улицу. Смертоносная стрела начала свой полёт.

Снаружи царили разгром и небрежение. Дома стояли с выбитыми стёклами, вдоль фасадов и на мостовой возвышались горы мусора, на углу под стенами маленькой церкви лежала мёртвая лошадь. Мститель не прошёл ещё и квартала, как вдруг из тёмного зева арки появились и стали приближаться к графу три фигуры. По развязной манере ходьбы Пьер почти сразу признал в них заезжих кахетинцев, торговцев лепёшками и оранжадом. При ближайшем рассмотрении смуглые лица кавказцев выражали ту неприятную степень нервической отрешённости, какая делается у людей, замысливших зло. Самый могучий из горцев – он шёл посредине – медленно потянул из-за пояса небольшой кистень. Тот, что шёл справа, достал кинжал.

– Стой, человек, стой. Куда идёшь? Сейчас резать тебя будем! – пробасил главарь с характерным акцентом.

Пьер отвечать не стал, сделал два стремительных шага в направлении грабителя и выбросил вперед правую руку. Массивные перстни, один с Адамовой головой и другой – с печаткой, украшенной профилем Авиценны, соприкоснулись с переносицей нападавшего. Раздался характерный хруст, череп праотца и губы целителя окрасились кровью.

Дальше граф последовательно применил три основные позиции Послушания: Пророк Матфей укрощает львов, Моисей спускается с горы Синай и под конец, чтоб завершить дело, – Разъятие вод египетских. Потом секунду помедлил и решил оставить тела на мостовой, так сказать, в духе момента. Путь Пьера лежал…

* * *

Тут Сагайдаш почувствовал, что естество требует очищения, и, пошатываясь и задевая плечами тёмные стволы груш, устремился во мрак умирающего вечера.

Чуткий Тихон, который только притворялся спящим, стремительно вскочил и склонился над исписанными листами. Прочёл, покачал кудлатой головой, минуту подумал, огладил бороду, затем схватил перо и принялся выводить литеры, высунув от усердия кончик языка.

Была у Тихона сословная страстишка, глубокая и, в общем-то, ничем не обоснованная убеждённость в совершенной беспомощности аристократов и великом умении, а також смекалке, повсеместно проявляемой крестьянами. Поэтому образ вальяжного и беспомощного Безухова был для него особенно близок. Увидев, какого чёрта сделал из байбака-барича неистовый казак, учитель приуныл, но потом кстати вспомнился ему французский беллетрист Дюма с его мушкетёрами, и Тихон ободрился – включилось воображение.

Путь Пьера лежал через переулки на Поварскую и оттуда на Арбат, к Николе Явленному, у которого оккультный компас судил ему встречу с врагом. Нехитрое на вид устройство, сделанное из кости тюленя и власяного шпагатика, ещё ни разу не подвело Пьера, оказав неоценимую помощь, покуда он пробирался в Москву через истерзанную войной страну.

У большей части домов были заперты ворота и ставни. Улицы и переулки были пустынны. В воздухе пахло гарью и дымом. Изредка встречались русские с беспокойно-робкими лицами и французы с негородским, лагерным видом, шедшие по серединам улиц. И те и другие не обращали на Пьера никакого внимания, из чего Безухов сделал вывод, что наука быть незаметным также приносит пользу. Он продвигался по улице, наблюдая многочисленные дымы пожаров, однако не уделяя огню особого внимания. И напрасно. Внезапно особняк, мимо которого проходил Безухов, явил в окнах багряные языки пламени, а через мгновение на улицу вырвался огненный демон. Яростные персты жара простёрлись над мостовой, жирный чёрный дым заволок всё кругом. Послышались стон и треск – это разрушалась крыша. Пыль взметнулась, мешаясь с клубящейся тьмой пожара. Во все стороны полетели пылающие головни. Люди кричали, потерявшись в дыму. На Безухова выскочил французский солдат с обожжённым лицом, попытался уцепиться за рукав. Безухов оттолкнул француза. Тот упал навзничь, да так и остался лежать, нелепо-опрятный в своем бело-синем мундире. Пьер почувствовал растерянность. Он был готов к встрече с человеком, но не со стихией. Куда бежать, где искать выход во внезапно нахлынувшей тьме – было решительно непонятно. Между тем едкий дым попал в лёгкие, и Пьер стал задыхаться. Где-то рядом тяжко падали куски стены погибающего особняка. Спасение явилось в виде мощной груди пегой лошади, запряжённой в небольшой возок. Над лошадиной головой виднелись широкие плечи и простое рябое лицо с рыжими усами.

– Садись, барин, прокачу! – с неожиданной лихостью гаркнул извозчик.

Пьер, недолго думая, прыгнул на сиденье. Едва успел он схватиться за поручень, как свистнул кнут, и лошадь рванулась вперёд, вынося повозку из дымного ада на свет и воздух.

– Бежишь, барин? – обернулся к Пьеру весёлый мужик.

– Нет, – коротко ответил граф, решив, что низко будет лгать своему спасителю. Он глянул на свою ладонь. Пальцы немного подрагивали. Граф только понял, что мог глупо погибнуть в дыму пожара и не выполнить своего предназначения.

– И я не бегу, – согласно кивнул извозчик. – Меня Прошкой звать.

– Меня – Петром. А с чего ты взял, что я барин?

– Да нешто тут ошибёсси? А лицо, а руки, а повадка? Я сызмальства на извозе. Мы сословия различать обучены. – Прошка оглянулся кругом и продолжал: – Я решил – не пойду из Москвы. Людей буду вывозить. С утра вожу. Почитай десятка три закоулками на окраину свёз. Кто по реке ушёл, кто огородами. Хранцуз-то здесь чужой, всех троп не знает. Вот сейчас тебя вывезу и опять в центр подамся. Может, кому еще пособлю.

«Лихой мужик, и пожара не боится. Может, открыться ему?» – подумал Пьер, испытующе глядя в безгрешную Прошкину спину.

– А меня, Проний, вывозить не надобно. Мне до Бонапарта нужно, к Николе Явленному. Послание у меня.

– О как! – изумился мужичок. – А дозволено ли будет спросить, что за послание? Небось секретное?

– Не секретное, – усмехнулся Пьер и показал извозчику пистоль.

– Вон оно как… – нахмурился Прошка, но почти сразу просветлел челом. – Дело великое и опасное ты задумал, барин. Пожалуй, подмогну я тебе. Вдвоём да с возком сподручнее будет. Только обещай, ежели убьют меня, сообщить родным в деревню Лесново, что на реке Калинке близ Семёновского скита. Найдёшь?

– Найду, – кивнул Пьер.

– Ай, выручайте, святые угодники! Но, пошла, мёртвая! – взревел Прошка и пронял кобылу кнутом так, что та рванулась вперёд с небывалой силой. – Поедем, Насть ка, Бонапарта решать!

Тихон озабоченно глянул на свечу. Почти догорела. Встал и пошёл к флигелям брать запас. По дороге решил конфисковать ещё котелок щей с кухни, встретил любезную сердцу повариху Авдотью Ниловну и совсем запропал. Вскоре из тьмы явился худой и бледный призрачный Сен-Том. Он дремал рядом на лавке. Подёргав себя за кончик носа, перечёл написанное при свете догорающей свечи. Нацепил смешные круглые очочки толстого стекла и взялся за перо.

Сен-Том как истинный француз и патриот таил в глубине сердца приязнь к деяниям императора. И считал, что даже при всех его ошибках был то человек великий и достойный. Он горько переживал, что Франция не заключила союза с Россией, а вместо этого взялась в одиночку покорять мир и надорвалась, как другие до неё. За долгие годы работы с русскими Сен-Том начал испытывать снисхождение к северным варварам и уважение к их глубокой и мощной натуре. Он также осознал здесь в полной мере, что именно русское оружие долгое время обороняло Европу от нашествия азиатских орд. Тем не менее, понимая, к чему ведут его коллеги по триумвирату, француз не мог не попытаться спасти Наполеона.

– Что там, маршал? Что за дымы? – Орлиный профиль императора бестрепетно встречал отблески московских пожаров. Лицо было спокойно и торжественно. Он снял шляпу и стоял, подняв воротник плаща. Ледяное дыхание севера ещё не овладело землей, но уж небеса наливались опасной серостью, предвещая осеннюю непогоду.

– Азиаты поджигают город. Мы направили людей перехватить злоумышленников, – породистое лицо короля Неаполя было спокойно, и только глубокие чёрные глаза загадочно сияли из-под густых ресниц.

Мимо с песней проносились гусары. Могучие усачи-кирасиры, напротив, смиряли ход своих огромных скакунов, держали строй. Всё как будто было нормально, и всё же…

– Что-то тревожит моего императора? – Жан Корвизар, дородный мужчина с широким полнокровным лицом, окаймлённым серебристыми бакенбардами, бесшумно возник за плечом императора.

– А-а, доктор, вы чувствуете сегодня напряжение в тонких сферах? Мне кажется, сюда идет Messager de la mort.

– Вам пошли на пользу наши уроки, – улыбнулся Корвизар, – после Египта астральное око моего императора прозревает дальше и лучше прежнего.

– Значит, убийца?

– Не просто убийца. Посланец Золотой Зари.

– Вот как? Чем же я насолил вашим друзьям? – Наполеон повернулся к медику.

– Друзья? Громко сказано, – загрустил Корвизар.

– Ладно, ладно, – усмехнулся император. – Я в вас не сомневаюсь, Жан. Вы мне брат такой же, как наш доблестный Жоашен.

Мюрат поморщился от такого сравнения. Он не любил колдунов.

– Так кто же он? Или их несколько? – Император с интересом глянул на Корвизара.

– Один. Но стоит сотни. Это плод забытого витального эксперимента наших северных коллег. Отрок, рождённый от магистра ложи Петербурга и Девы Обряда, наследницы многих поколений варяжских воинов. Я чувствую, как сияет в жилах его волшебная кровь. – Доктор причмокнул губами, словно дегустировал сладчайший деликатес.

– Я велю послать солдат, – вскинулся Мюрат.

– Нет необходимости, – эскулап одарил маршала благосклонным взглядом, – я направлю за ним своих слуг. Чёрная дюжина справится с посланцем Альбиона!

Мюрату стало не по себе. Он любил императора и знал, какой это достойный и сильный человек. Но этот жизнерадостный нетопырь, этот кровопийца Корвизар!.. Словно язва на сверкающем теле Бонапарта. Его помощь никогда не давала чистых результатов.

Тут Сен-Том решил, что сделал всё возможное, чтобы обелить и, быть может, – о, Святая Дева! – спасти Наполеона от своих коллег. Однако это полдела. Что ещё ска лсет граф Толстой? Француз поднялся в волнении, но уйти не успел. Вечерняя мгла пахнула сивухой и породила неожиданно бодрого Степана Сагайдаша.

– Ага! Пишешь? Дай-ка подивиться, – казак подобрал отложенный французом лист. – Текс, текс. Мужике извозчик, штафирка. Это, стало быть, друг Тихон напростал. А вот Наполеон… текс… ну, это понятно. О! Чёрная дюжина! Это что?

– Это есть легенда. Двенадцать чёрных гусар. Особо обученные головорезы. Непревзойдённые мастера, – тихо сказал Сен-Том.

– От это добре! От удружил! – восхитился казак. – Я думал, будет скука, а здесь – красота! Баталия! Сейчас мы енту дюжину геть! Разделаем под орех! – Сагайдаш от души хлопнул старика по плечу. И расстроенный Сен Том скрылся в саду, незаметно умыкнув со стола кувшин с крепким.

* * *

Первой неладное почувствовала лошадь. Запрядала ушами, заржала.

– Чегой-то неладно, – пробасил Прошка, озираясь по сторонам.

Пьер сконцентрировался, в краткой медитации прозревая астрал. В тонком мире на них надвигалась чёрная туча, набухающая недобрыми рылами и клювами. Тут же пахнуло могильным хладом. А через мгновение из-за поворота выметнулись двенадцать чёрных всадников. Одежды и кони цвета ноябрьской ночи, лица закрыты шарфами. Точно двенадцать нетопырей устремились на повозку. Они неслись безмолвно и неумолимо. Мертвенно сверкнули сабли. Пьер успел заметить, что в стеклах домов и лужах на мостовой всадники не отражаются.

– Гони! – рявкнул он оторопевшему мужику. – Гони на них, дурень!

Суеверный Прошка не слышал. Крестился. Выручила умная Настька. Рванула вперёд. Разбила грудью атаку чёрных гусар. Пьер не терял времени. Выхватил кинжал, сорвал с пояса кушак-румаль. Движения конников были нечеловечески быстры, но посланник масонов был быстрее. Одним ударом он распорол шею чёрному коню и рассёк ногу всаднику. Уклонился от сверкнувшей сабли и захлестнул румалем шею второго всадника, дёрнул так, что враг вылетел из седла. Другие гусары не смогли дотянуться до повозки. Опомнившийся Прошка заработал волоками, и беглецы вырвались на Арбат.

Гусары неслись за ними по пятам. От дикой этой скачки их шарфы размотались, и потусторонняя сущность преследователей стала очевидной. Бледные неподвижные лица, ввалившиеся щеки, зашитые рты и глаза, тлеющие как болотные огни. За Пьером по пятам шли покойники. Иной человек испугался бы, но граф обрадовался. От мертвецов у него было средство. В ладанке на груди он носил зуб святого Георгия, зачарованный на борьбу с потусторонним воздействием лучшими теургами Ордена. Нужно было только выждать подходящий момент. И вот, словно ощутив противную жизни сущность, бытие дрогнуло и явило чудо. Осенние тучи разъялись, и водопад солнечных лучей ринулся к земле, отразился от золочёного шелома Николы Явленного и ударил в мертвецов чудесными копьями небесного воинства. Чёрные гусары издали глухие стоны – зашитые рты не позволяли им кричать. Тогда Пьер сорвал ладанку с шеи и, сопроводив снаряд несколькими словами на арамейском, метнул оружие во врага. Эффект не заставил себя ждать. Всадники точно попали под пушечный удар с редута. Их враз посекло и покромсало в клочья. Грудами чёрной сажи осели посланцы французского доктора на московские камни. В тот же миг магистр тайных наук, медик и колдун Жан Корвизар рухнул замертво. Наполеон, лишившийся оккультной поддержки, поднял голову к небу и увидал сложившийся в кутерьме туч недобрый знак – безмятежный и древний лик Египетского Сфинкса.

– Merde! Надо было разобрать эти чёртовы пирамиды! – прохрипел Бонапарт, сжимая в кармане плаща медальон с портретом мадам Богарне, которую не мог забыть и теперь.

Между тем повозка Прошки на большой скорости миновала церковь, и Пьер увидел императора…

* * *

Прочитав творение подопечного ему писательского триумвирата, Лев Николаевич впал в задумчивость. С одной стороны, его порадовала живость повествования, энергичность языка и смелые сюжетные повороты, с другой – граф не мог так сразу принять столь вольную трактовку общеизвестных исторических фактов. Да что там говорить – не трактовку даже, а безжалостное их искажение.

А тем временем за окнами усадьбы уже совсем стемнело. Ночь словно единым взмахом накрыла веранду и сад. И над всем этим хозяйством воцарилась полная луна.

Граф легко различал садовую тропинку, обильно посеребренную лунным светом. Лев Николаевич быстро вышел к любимому деревцу и, встав рядом, залюбовался тому, как

холодным матовым блеском переливаются его листочки, днём кажущиеся липкими. Сейчас вишенка ему особенно показалась похожей на сакральное каббалистическое Древо Сефирот. Вот вверх вырвалась ветка, вот две в стороны, под ними – снова две…

Вдруг деревце слегка заколыхалось – словно ветерок пробежал по его ветвям и листьям. Однако в саду царила полная тишь. Нигде боже воздух не колыхался. Лев Николаевич от неожиданности отпрянул. Он совсем уже был ошарашен, когда увидел своего учителя иврита раввина Минора выходящим из-за вишенки.

– Шалом, – мягко произнес раввин.

– С добрым вечером, – нерешительно ответил Лев Николаевич. Потом, осмелев, добавил: – Но позвольте, рабби, что вы делаете у меня в саду, за моим деревом?.. Я, конечно, не против – делайте там что хотите… Но я не знаю, вполне ли это соответствует вашему чину и статусу… Всё же раввин Минор…

– Вы не вполне правы, Лев Николаевич: во-первых, я не тот раввин Минор, которого вы знали, а во-вторых, я появился не из-за дерева, а из… как бы это сказать… другого мира, идущего с вашим миром, словно два солдата в ногу, но никогда не сталкивающегося с ним… Это мир, которым мог бы стать ваш мир, при некоторых обстоятельствах…

– Какие же обстоятельства меняют миры?

– Разные… В данном случае это было убийство Петром Безбородко Наполеона Бонапарта в сентябре 1812 года…

– Тьфу ты… – в сердцах крякнул граф. – Да это же мои писаки придумали! Этого же не было…

– Ваши уважаемые литературные помощники не придумали этот не имевший места в вашей истории факт, а магически прозрели одну из вероятностных линий, могущих изменить мир. Смотрите, Лев Николаевич…

И раввин показал графу на вишенку, которая теперь совсем приняла очертания сакрального Древа Сефирот.

– Смотрите: вот аккуратист Тихон…

И один из кругов засветился лазоревым светом.

– Вот эстет Сен-Том…

И второй круг на дереве засветился тоже, но синевато-фиолетовым.

– А вот и бузотёр Сагайдаш.

И третий круг вспыхнул розовато-алым.

– А вот здесь их ментальные энергии сходятся, и возникает мистический триумвират, который и оказался способным изменить ход истории. Точнее, нащупать в нём слабое место. И теперь, если его не устранить, будет плохо…

– Что же будет?

– Не просто будет. Это уже есть. Но в нашей, вероятностной реальности. В нашем мире. В этой реальности Пётр Безбородко, тот, с кого ты писал своего Пьера Безухова, убил Наполеона в сентябре двенадцатого года. Русские войска не пошли в Европу, царю Александру попросту показалось, что не до того – все силы были брошены на восстановление сгоревшей Москвы. Париж взяли англичане. Декабрьского восстания не было, по сути, не было никаких декабристов – и Северное, и Южное общества не пошли дальше пустопорожних разговоров о том, как бы им упромыслить общество полного благоденствия. Рыжев тихо спился, Пушкин не написал своих лучших стихов…

Да, вот ещё: маленькие кафе теперь во всем мире называют не «бистро», а как-то законыристо – в честь одного британского офицера, который в вашей реальности никоим образом не отметился в истории, а в нашей – проявил огромное мужество во время взятия Парижа.

И тут Лев Толстой понял, что нужно действовать…

* * *

Граф Пётр Безбородко шёл осторожно. Он понимал – его благородное лицо и простой костюм могут вызвать подозрения. Если французскому патрулю станет непонятно, к какому сословию он принадлежит, то его непременно остановят, обнаружат оружие и задержат. Приходилось прятать лицо, идти кургузой нелепой походкой.

Хотя… Даже если…

Пётр твёрдо решил не сдаваться живым и в случае угрозы сопротивляться до последнего.

Пробираясь переулками до Поварской улицы, он думал о своей миссии. Он понимал – подойти близко к императору не удастся. Но Пётр также знал, что его умения хватит, и он издали прострелит голову тирана. Один выстрел – один тиран. Всё чинно и ладно.

Граф Пётр Безбородко понимал: его наверняка убьют, но цель оправдывала средства. Кроме того, его портрет повесят в скрытой комнате учебных заведений всего мира. В этих комнатах, втайне от других детей, учатся молодые англомасоны. Их отыскивают по талантам в детстве, а потом учат особенным наукам.

Это стало возможно лишь недавно, после того, как многие педагоги различных учебных заведений были посвящены. Они имели небольшой градус посвящения, но, чтобы выделить таланты, запугать неокрепшие детские души и подчинить Великой Идее, больше и не нужно. Отъём у родителей их чад совершали тайные службы стран, в которых работали англомасоны. Они уверяли, что дети нужны великому служению, их талант необходим Отечеству. Несговорчивых родителей попросту убивали.

– Бух! – раздался выстрел, и отлетевший от стены камешек больно ранил Петра в висок.

– *Damn! Bloody Whoreson!* – взревел граф Безбородко. Он пристрастился к аглицким ругательствам в замке масонов, где инструкторы не только совершенствовали его тело, но и дух, прививая культуру Великой Британской Империи.

Безбородко упал вперёд, приземлился на руки, осмотрелся. Он был готов к рывку, и это спасло его. Вторая пуля ударила ровно там, откуда он успел перекатиться. Петр метнул зазубренный кинжал.

Клинок вошел французскому гвардейцу точно в горло. Но был и второй выстрел, значит, кто-то ещё сидит в засаде.

Графа спасла пылкость француза. Тот с криком: «Meurs un autre jour!» бросился на Петра с тесаком.

Выстрел в живот остановил дьяволопоклонника. В британском замке говорили, что все французы и немцы поклоняются Зверю и числу 666, поэтому нужно проверить – убил ли ты, даже если уверен, что убил. Дьявол всегда может воскресить своего последователя.

Петр попинал носком сапога тела мертвецов. Они не воскресали. У гвардейца была перерезана ярёмная вена. Пехотинец тоже скончался, его стеклянные глаза глядели в небеса.

Граф посмотрел на разряженный пистолет, теперь он бесполезен. А у французов были только винтовки, их под кафтаном не спрячешь.

Это осложняло задачу, но не делало её невыполнимой. Форма крепкого гвардейца пришлась впору.

Через некоторое время Пётр пробирался к Арбату и снова думал о миссии.

* * *

Граф Лев Толстой очень любил стрелять, а ещё он хорошо владел саблей, и делал это одинаково отлично как правой, так и левой рукой. Во время своей службы в армии граф лихачил и мог на скаку разрубить учебный манекен.

Кроме того, его учитель раввин Минор открыл Толстому несколько особых витальных практик, которые практиковали посвященные братья на материке.

Например, граф мог, подышав особым способом, восстановить силы в бою. Он знал массу тайных ударов, которые убивали противника наповал или делали беспомощным. Лев Толстой понимал, что хочет от него раввин Минор.

– Неча им, неча. Сами понатворяли, сами пусть и мир наш выручают.

Через несколько минут все трое провинившихся стояли перед очами графа и раввина.

– Я вас что просил? Сочинение дописать, ключевую часть его. А вы что понатворяли? Что? Я вас спрашиваю!

– Мы плохо написали, *maitre?* – спросил француз Сен Том. – Но разве мы можем сравниться с вами по способностям…

– Вы не просто написали плохо, а жизнь переменили, будущее наше. Кто вас просил Бонапарта убивать?! – и, чуть сбавив тон, граф Лев Толстой пояснил: – Он, конечно, не святой. И того… Народу тьму погубил. Но и вы не лучше.

После этого раввин Минор степенно тихим голосом объяснил триумвирату, чем недоволен их благодетель граф Лев Николаевич Толстой, и почему им нужно тут же собираться в дорогу. Единственный выход – это реальным действием поменять то, что они понапридумывали.

– От же ж курва! Трошки набрехали, и ужо мир не такой стал. Еноты-бегемоты! – удивился казак Степан. Он ударил себя в грудь и заверил графа, что сделает всё, что от него требуется.

– Оружие надобно против Пьера, чтоб с ног валило, – негромко сказал Тихон. – Больно мы его крепким придумали. Забьёт ведь.

– *Collegue,* – сказал француз Тихону, – я иметь кое-что для нас. Мой дед был сыном кузнеца, но его насильно забрали в армию. Отец любил его, а как любила его мама…

Француз закатил глаза к небу, и хотя это была не его мама, а прабабушка, он сказал сакраментальную для всех французов фразу: «Ma mere mignonne-mignonne!»

Сен-Том продолжил:

– Отец сделал для сына-солдата хитрый кинжал. В ручке есть замаскированный пистолет. И пуля такая, что свалит Пьера с ног. Но нужно подобраться к нему. Всего одна пуля, всего один Пьер.

Тихон присвистнул:

– От Пьера и мокрого места не останется… Это я могу.

– Сговорились уже, – сказал Степан, – жаль его, добрый хлопец. Настоящий казак. Как он его, Буонопартия этого… Кручина сердце мое берёт… Кручина.

– *La guerre est la guerre,* – поставил точку Сен-Том.

– Понапридумывали, писаки, – Лев Николаевич погрозил пальцем, – понапридумывали! Что скажете, рабби? Справятся они?

– Не всё так просто, дорогой граф. У меня таки есть для вас один гешефт. Дело в том, что временная линия исказилась, и в нашем недалёком будущем один русский эмигрант по фамилии Калашников изобрёл скорострельный пистолет.

Рабби достал что-то.

– Очень дорого, поэтому – один. Я скажу вам одну вещь. Цены на рынке из-за вашего Петра взлетели. Англичане, только они, продают свои марки и модели. Это же с ума сойти! Нет никакой конкуренции. И как заработать бедному еврею?.. Берите, берите этот один пистолет и решите уже вопрос. Если бы только это. Везде англичане. И даже в России, по-видимому, будет править кто-то из них. Ведь наш дорогой наследник Константин Павлович ясенился на английской принцессе! И она таки его взяла в оборот. Он сказал ей, что после смерти Александра, если такое будет, естественно, он отречётся от короны в пользу брата Николая, так она ему жизни не дала. И теперь он, конечно, не отречётся, но править всем будет она. Как вам это нравится? А потом мы всё ещё помним нашу глубокоуважаемую императрицу Екатерину. Что она сделала с бедным мужем? Вы такого же хотите? Нет, я, конечно, ничего не имею против императрицы, золотой век, я помню. Но это уже совсем не годится… Ни в какие ворота. Вы меня понимаете?

После своего неспешного монолога раввин Минор протянул пистолет.

– Готовьтесь скорее. Сейчас я прочту несколько тайных заклинаний, и вы переместитесь в другой мир. Вы всё увидите сами.

Оружие распределили так. Кинжал отдали Тихону, он был самый необученный военному делу, зато очень хорошо бился на кулаках. Кроме того, он сказал, что дома лежит у него кистень и нужно послать кого-то за этим оружием. Французу достался чудесный скорострельный пистоль. Раввин нехотя потратил несколько патронов, чтобы Сен-Том приучился стрелять по-новому. Гувернёр мог попасть с десяти шагов в копейку, как и любой француз, в молодости он был немного бретёр. А теперь ему нужно было только приучиться к новому оружию. Степан же пошёл с простой казацкой шашкой и двумя обычными пистолями, которые он заткнул лихо за кушак.

* * *

Наполеон пребывал в расстроенных чувствах, он не ожидал, что москвичи и Александр, которого он одновременно ненавидел и любил, откажутся проявить учтивость. О, неблагодарные русские! Он всего-то и хотел занять Москву, эту древнюю азиатскую столицу. И дать им свободу! Он просто заключил бы мир на лучших условиях, чем это было. А потом он бы ушёл. Как они этого не поняли!

Они должны были прислать делегацию и вручить ему ключи от городских ворот. Такие правила!

– О фортуна, ты переменчива! – молвил император.

Ещё несколько дней назад он мечтал, что возьмёт и эту столицу. Так же, как Вену и Каир.

О, какое это чувство! Стоять на холме и смотреть на город, который в скором времени будет взят. Это сравнимо только с тем, когда ты смотришь на еще нетронутую девушку и понимаешь, что ночью она будет твоей. О, предвкушение! Великое слово! Вкус сладости на губах…

Император давно заметил, что город до взятия и после имеет ту же сущность, как женщина до и после обладания ею: все преграды разрушены, и она подчинена мужской силе, покорена!

И тут самцом, несущим свою суть, должен был стать он. Но всё пошло не так, как он предполагал…

Мюрат, его верный маршал и друг, доложил ему, что Москва пуста. Он был деликатен, он говорил лишь о победе, о том, что Москва принадлежит победоносной армии великого императора. Но Наполеон знал – эта победа сомнительная. Если не было делегации, а жители просто сбежали от него. От него, от Наполеона-Освободителя! Если всё так, то

война не выиграна и не проиграна. Александр поставил его в неудобное положение. Однако в город въезжать нужно, таковы правила. Он жестом приказал пажу, чтобы подавал парадную одежду. Как-никак, а он всё равно в этот город войдёт во всей своей императорской красе.

* * *

Около садов грузинского князя Пётр почувствовал дым. На лужайке у вишнёвого дерева в чёрном капоте сидела женщина, она плакала. Рядом переминался с ноги на ногу невзрачный человек.

Он виновато говорил:

– Ну что ты, ну успокойся, Тамара…

Пётр знал, пока в этом городе хозяйничают французы, его помощь нужна каждому обиженному человеку. Он, граф Пётр Безбородко, будет защищать москвичей, потому что у него есть большая сила, и грех перед Богом её не использовать в благом деле. Он повернул к плачущей женщине и тут же наткнулся на белокурую девку, которая сидела на земле и тупо нюхала свою обгоревшую русую косу.

– Ой! – сказала она.

– Твоя барыня плачет? – спросил граф.

– Ой, да. Дочь её тама осталась.

– Где тама?

– А вы что, барин, русский? В доме она горит.

Между тем барыня, увидев Петра, запричитала.

– Родимый, помоги! Не оставь нас!

– Да, хватит тебе, Тамара… – сказал белобрысый человек. – Что ты француза просишь? Унесли девочку люди добрые, что ты.

– И-и-иро-од! – прокричала барыня, обнажив длинные зубы. – Чадо своё не жалко! Стоишь, как истукан! – и тут же обратилась к Петру: – Родимый, помоги! Дочь наша там горит!

– Дом-то где? – спросил граф.

Барыня поняла, что незнакомец может помочь. И тут же упала ему в ноги.

– Спа-а-а-аси-итель! Быстро, Дуняша, отведи его к дому!

Девка, которая нюхала волосы, вскочила на ноги, выказывая полную щенячью готовность вести графа до места.

На их пути встал часовой, всем видом он показывал, что дальше идти нельзя, спросил, из какого полка.

Петр попросту сломал ему шею. Девка снова ойкнула, но граф сжал её ладонь, и она своим чутким крестьянским соображением уразумела, что лучше ему подчиниться.

– Вот оно.

Безбородко увидел два флигеля – один почти сгоревший и частично обвалившийся, другой горящий изнутри, но сверху целый.

– Где именно?

– Тот, что сгорел, сестры ихней. От него и перекинулось.

Без лишних слов граф бросился спасать ребёнка. Его обдало сильным жаром. Огонь занимал весь дом. Он знал редкое заклинание масонов, которое лишало его магических сил на полчаса, но спасало от огня. Граф применил его.

Чтобы найти девочку, понадобилось обойти весь дом, она залезла на самый верх. Чумазый и сопливый ребёнок громко орал. Пётр взял её на руки, она поняла, что этот человек спаситель, и затихла.

В три прыжка он спустился и вручил дочь хозяйке.

– О, боже! Может, и хорошо, что французские военные пришли сюда! Русские на такое не способны, – мать неясно гладила дочь по волосам.

– Я русский, мадам, – ответил граф, чем поразил женщину.

Она хотела ещё что-то спросить, но он пошёл дальше, ведь его цель – убить Наполеона.

Но дойти до конечного пункта было не так просто. Он сделал всего пару шагов, как увидел красивую армянку и деда, возможно, её отца, они сидели на траве. Около них стояли два француза. Один без сапог – явный наглец. Второй с подвязанной челюстью – круглый дурак. Всё это читалось по выражению лиц солдат. Кроме того, оба они казались озлобленными.

Первый ударил деда, приговаривая по-французски:

– Redonner les bottes!

Второй француз потянулся к шее армянской красавицы, сорвал ожерелье, положил его в карман, а потом, ухмыляясь, потянулся целовать девушку.

Петр метнул кинжал, который он вытащил из горла прошлой жертвы. Тот же бросок – и цель достигнута. Граф не любил делать что-то новое без необходимости.

Мародёр, который бил старика, упал с разорванным горлом. Второй француз потянулся к пистолету, но получил прикладом винтовки по лицу. В удар Пётр вложил всю злость и ненависть к слугам Зверя. Грешник умер в ту же секунду.

– Не нужно благодарить. Помолитесь просто за русского графа Петра Безбородко, – сказал он деду и армянке.

Теперь он понимал, что времени осталось мало, поэтому к Арбату двинулся рысью. И вот уже впереди Серебряный переулок, показались белые стены древнего храма Николая Чудотворца и кавалькада всадников, а даже поезд императора Франции – Наполеона.

Нужно остановиться… Нет, наоборот – бежать. Необходимо сделать вид, будто он хочет предупредить императора об опасности, о готовящемся покушении. На нём форма гвардии. Это старые вояки, которые прошли с Бонапартом от Египта. Его пропустят. Потом он выстрелит в упор. И попытается скрыться.

* * *

Пётр почувствовал неладное. Так уже было однажды. Ещё учеником-масоном его посвятили в великую тайну… С помощью магических пассов учитель сотворил колдовство, и тело Петра засветилось, он почувствовал, будто перегородка, отделяющая сущее и тонкое бытие, стала невещественной, прозрачной, он увидел что-то. Что-то неясное. Учитель сказал – это параллельные миры.

По ощущению сейчас произошло что-то подобное.

И тут же просвистела сталь. Петр чуть было не остался без головы. Какой-то человек по виду малоросс, промахнувшись саблей, ударил графа кулаком в лицо. Белый свет стал чёрным.

Раввин Минор бормотал что-то непонятное. Потом обратился к триумвирату:

– Готовьтесь. Сейчас всё будет.

– Отче наш… – начал молиться Степан.

Троица очутилась на улицах разорённой Москвы. А чуть впереди их шёл тот, кого они должны были убить – Пётр Безбородко. Не хотел этого Сагайдаш, но ничего не поделаешь, он взмахнул саблей, но граф увернулся. Казак добавил кулаком и достал пистолеты.

К троице побежали от поезда Наполеона.

– *Peuplement!* – Солдаты заметили, что трое неизвестных хотят убить гвардейца, и решили помочь соотечественнику.

Сам император привстал в экипаже, чтобы рассмотреть, чем кончится дело. Длинноволосый Мюрат сидел рядом и с опаской озирался.

Петру нужно продержаться ровно три минуты, а потом вернутся его сверхспособности. Спасая девочку из пожара, он потратил слишком много сил. Казак переключился на французов, он разрядил в солдат оба пистолета.

А Тихон крался к Петру. Граф не понимал, что хочет от него этот человек, когда тот выхватил кинжал.

Граф улыбнулся. Ну, против такого среднего человека с коротким кинжалом он справится и без суперсилы. Тихон был совсем близко, Петр спокойно ждал его. И вдруг мужик развернул оружие рукояткой. Раздался выстрел.

Повинуясь интуиции, Петр отшатнулся раньше выстрела, и поэтому Тихон попал ему не в голову, а в плечо. Графа отбросило на землю. Ключица была разбита, левая рука висела как плеть.

Французские солдаты напали на троицу. Тихон вытащил из-под рубахи кистень. Лёжа на земле, раненый Пётр понял, что недооценил ловкость и силу мужика, тот косил солдат одного за другим.

Так же безотказно, как немецкий механизм, работал своей саблей Степан. Вскоре французы отшатнулись. Улица была завалена трупами. Солдаты окружили троицу и взяли на прицел.

Весело заухал скорострельный «Калашников» в руке Сен-Тома.

Семь раз. И каждый раз падал кто-то из солдат. Французы поняли, что это волшебство, и дрогнули. Да, они отвалены до безрассудства, но сопротивляться волшебству не могли. Они попытались развернуть повозку с Наполеоном, но он не видел происходящего.

И крикнул:

– Куда вы, трусы?

Император спрыгнул на землю, а с ним его друг Мюрат.

Солдат охватила паника, они бежали в сторону Тверской заставы.

*** * ***

Петр почувствовал, что сила к нему вернулась. Над ним стоял казак.

– Ну що, хлопец? Буонопартия больше не будешь убивать? Оно, конечно, дело знамо хорошее. Да выйдет из него худое.

Граф сосредоточился на раненой руке. Ему нужно восстановиться.

– Патроны кончились. Раввин Минор такой бережливый. Он дал ровно семь зарядов, – сообщил Сен-Том.

Император считал делом чести отбить своего гвардейца.

– Ваше величество! – закричал ему Тихон. – Уходите! Вас могут убить!

Наполеон не понимал по-русски, но он решил, что мужик не хочет драться, поэтому он просто ударил его эфесом по голове. Тихон упал, изо лба текла кровь.

– Ах ты, вражина! – закричал казак.

– *Mou ami. Tellement nelzc.* Это же император! – Сен Том осуждающе покачал головой.

– Да по мне хоть Папа Римский!

Петр почувствовал силу. Перво-наперво он поймал маршала Мюрата за длинные волосы, а другой рукой ухватил императора.

Оба француза не могли понять, в чём дело. Граф Пётр Безбородко поднял их над землёй, ещё секунда – и он громыхнёт их друг об друга и поминай как звали. Он чувствовал в себе такую силу. Он знал, что может это сделать.

– Ну ты это… Поставь! – сказал казак Степан. – А то я тебя породил, я тебя и убью.

Члены триумвирата бросились на выручку к Наполеону.

– Я вам!.. – как-то издали, будто сквозь подушку, раздался голос Льва Толстого. – Хулиганить вздумали.

Когда раввин Минор отправил Степана, Сен-Тома и Тихона в прошлое, граф Лев Толстой со свойственным ему любопытством спросил:

– А что случилось с Петром-то? Погиб или удалось скрыться?

– Он таки был очень сильным и очень ловким, но ему не удалось уйти. Гвардейцы были из франкомасонов, некоторых из них обучал именно я. Они его догнали и убили.

– А спасти мальчика как-то можно? Жалко ведь.

– Я думаю, что наша троица убьёт его или погибнет. Уж слишком они серьёзно настроены.

Лев Толстой очень любил людей. В особенности он любил тех, к созданию которых был причастен. Поэтому он решил отправиться в прошлое и спасти Петра.

* * *

Пётр почувствовал непреодолимую усталость, а также неясность по отношению к человеку, которого он видел. Будто бы его покойный батюшка воскрес и предстал перед глазами.

Лев Толстой сказал, обращаясь ни к кому, а будто к Богу:

– Ночью слышал голос, требующий обличения заблуждений мира. Нынешней ночью голос говорил мне, что настало время обличить зло мира… Нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, как и что сказать. Мое оружие не сила, а слово. Ты, Петруша, зачем хочешь убить Напольона?

Пётр Безбородко задумался. А действительно, почему?

Он ответил неуверенно:

– Потому что он антихрист.

– Ну, вот посмотри на него. Серой не пахнет, огонь из пасти не идёт.

Петр словно очнулся от сна. «И действительно… – подумал он, – …обыкновенный человек». С этой мысли началось разочарование Петра Безбородко в масонстве.

– Использовать тебя братья хотели. Убил бы ты Наполеона, победили бы англомасоны, не убьёшь – франкомасоны. Они нам ближе. Хотя тоже… Но тут уж никак. Весь мир сетью опутали. Ты иди домой. Ты ведь отчего такой стал? Наташа тебя не полюбила, так как ты её. Теперь всё будет иначе. Я тебе обещаю.

Перед Петром встал образ любимой. Да, действительно, это из-за неё он уехал в Британию. Бежал, чтобы не видеть.

– Пётр, ты проживёшь долго. Наташа станет твоей женой, у вас будут дети.

– Кто вы?.. – только и смог из себя выдавить Пётр Безбородко.

– Граф Лев Николаевич Толстой. Потом узнаешь. В будущем. Иди.

И Пётр аккуратно поставил полупридушенных Наполеона и Мюрата. И пошел.

– Иди, Петруша, – сказал граф. – И не забывай обличать неправду.

Толстой обернулся к триумвирату.

– Ну что? Повоевали?

– Повоевали, – сказали Степан и Тихон.

– Победили?

– Победили, – откликнулся Сен-Том.

– Теперь пошли назад. Напольона и Мюрата свои подберут.

И через миг они уже стояли в саду Льва Толстого под вишней.

Рабби Минор раскрыл руки для объятий.

– Ну что, Соломон Моисеевич, вернули мир назад? – спросил граф.

– Почти всё, почти всё.

– Как почти всё? – удивился граф.

Старый еврей глянул на Степана, Тихона, Сен-Тома.

– Поободрались они. Умыться бы их послать.

Лев Николаевич понял, что раввин хочет поведать ему какую-то тайну, и отослал людей.

Минор наклонился к самому уху графа:

– Англичане не торгуют больше у нас. Это очень хорошо, скажу я вам. И всё остальное вернулось. Они не брали Парижа. Но есть одна небольшая разница…

– В чём же?

– В этих самых кафе… Бистро вернулись – ив Москве, и в Париже. Но и эти остались почему-то… Те, которые в честь английского капитана. Причем никто его и знать не знает, и слыхом не слыхивал, потому что ему отваги своей проявить не удалось. Но кафе остались. Так их и зовут, а почему – не знают. Пути Создателя неисповедимы. Другими словами: хроновыверт получился…

– И как же их называют?

– Макдональдами кличут.

– И правда, выверт какой-то, а не слово…

Лев Толстой недоумённо посмотрел на раввина. Минор всем видом показывал, что знает больше, чем сказал. Граф Толстой подумал: «Придуривается. Нечего тут знать. Зла в этом нет. Макдональдсы так Макдональдсы. А мне пора обличать неправду и зло. Начну это делать в воскресенье, – граф тепло улыбнулся, – и роман так назову. «Воскресение». Очень красивое название. Думаю, издателям понравится, и читатели будут покупать».

А между тем раввин Минор знал, о чём думал Лев Николаевич Толстой. Кроме того, он знал, куда это всё его заведёт… но святой раввин молчал.

Будущее должно быть безмолвным.

Это было у зубного
(Отрывок по версии «Независимой газеты»)

Их звали Симон и Соломон. Они родились и жили в провинциальном американском штате Монтана. Со школы Симон был влюблён в Соломона, но его друг – рослый, темноволосый иудей – интересовался только женщинами.

Симон мечтал о Соломоне по ночам.

Он понимал, что, скорее всего, ничего не выйдет, но попытки делал регулярно – спаивал, подкладывал голубое порно, заводил всяческие аккуратные разговоры «об этом».

И вот, когда гей вконец разочаровался, вдруг свершилось!

В прошлом году Соломон перестал хотеть женщин – это произошло у стоматолога.

Никто никогда так и не поверил Соломону, что он стал другим, потому что сломал зуб! Но это было чистой правдой.

Вот что он потом говорил всем:

– I became a queer cause they put a crown on my tooth. *(Я стал гомиком, потому что мне поставили коронку на зуб.)*

Правда, иногда он утверждал нечто иное, и это наводило на предположения, впрочем, неверные:

– I began fucking with guys after visiting my dentist. *(Я стал заниматься сексом с мужчинами после посещения стоматолога.)*

Соломон сломал зуб, он пошёл к стоматологу, и тот поставил ему коронку.

Когда пациент вышел от врача, он потрогал языком зуб и не ощутил живую кость.

Его поразил тот факт, что он не чувствует языком зуб, а чувствует коронку. Это ему показалось очень странным. Он нервно задрожал…

И тут почему-то понял, что в его жизни поменялось не только это, но и всё, в том числе и он сам.

Чёртова коронка внесла и в его душу инородное.

Он снова пощупал языком коронку и понял, что ничего вернуть нельзя.

Прошёл день. И сначала Соломон не понимал, что поменялось в нём, пока не встретил на улице родного города Биллингса симпатичного юношу.

Встретив мальчика, он захотел его трахнуть.

Желание Соломон в себе задавил, но вскоре у него не получилось с женщиной. И ещё не получилось, и он снова захотел мужика…

Пришлось поделиться бедой с Симоном, которому радоваться, собственно говоря, было нечему. Теперь они оба хотели друг друга как женщин.

Они стали изгоями, извращенцами, которые не хотели идти на уступки – скажем, договориться кто кого по очереди, а значит, не могли помочь друг другу.

Неожиданно выход нашёлся. Как-то, напившись, они изнасиловали и убили бомжа-афроамериканца. На утро, проснувшись, они поняли, что обрели счастье.

Они недоумевали: как им раньше не приходило в голову, что можно найти такой простой выход?

Они стали насиловать и убивать людей. Это объединило их как никогда, они стали больше чем любовниками.

И вот тогда они отправились в путешествие по Европе. Потому что непатриотично убивать граждан Соединённых Штатов.

Но и европейцев нельзя убивать просто так, решили они.

К каждому убийству и изнасилованию они придумывали повод. Этот бросил не там окурок и загрязняет природу, тот напился – потерял человеческий облик.

Антон в их понимании в автобусе оскорбил девушку – совершил поступок, недостойный мужчины, со всеми вытекающими. И его нужно было убить. Поэтому они следили за этой парочкой…

Из цикла рассказов «Сны»

В тоннеле
(Написано в соавторстве с сетевым писателем Алексеем Толкачёвым)

Часто бывает – утром в метро едет поезд. И вдруг где-то посреди чёрного тоннеля между станциями он ни с того ни с сего останавливается. И сразу тишина. Слышно, как у студента в другом конце вагона в наушниках плеера музыка играет. Потом кто-нибудь возмутится. «Господи! – скажет. – На работу опаздывают люди же…» Но этот упрёк звучит робко так, скромно, вполголоса.

Поезд постоит минуту-другую и едет дальше.

Зачем он останавливался посреди тоннеля? Чего ждал?

Он пропускал детей. Через пути переходили дети.

Подземные дети ходят в основном, конечно, ночью. Но немного ещё и утром. Вечером очень редко, днём – никогда.

Идут они и сами не знают куда. А выглядят так, словно детский сад переходит проезжую часть или школьники младших классов. Только ведёт их не воспитательница и не физрук, а плюшевый мишка с оторванной лапой.

Всё это видят только машинисты. И тени на стене тоннеля, если ехать в начале первого вагона, иногда видны. Посмотрите, если хотите. Я, когда узнал, стал приглядываться и несколько раз видел.

Потому-то все машинисты метрополитена пьют. После смены – сразу полный стакан. Глядишь, немного отпустило, посидишь, покуришь – и ещё грамм сто…

А дети ходят. Ночью в основном и утром иногда. Куда идут?

Дети как во сне: на лицах улыбки блаженные. Не идиотские, а такие… Так младенец только может улыбаться.

Иногда остановятся на путях и на поезд смотрят. И машинист на них смотрит, взгляд оторвать не может. Так и глядят друг на друга: дети улыбаются, машинист плачет. Потом мишка обернётся, посмотрит на машиниста хмуро, детям сделает знак – пошли, мол, дальше, не надо тут стоять. Медведь, кажется, понимает, что делает, зачем и куда детей ведёт.

Когда утром, в час пик, переполненный вагон вдруг останавливается посреди тёмного тоннеля, не пугайтесь, не ругайтесь, не думайте о том, что опаздываете на работу. Поплачьте. Не о детях – они счастливы. Не о мишке – он ведёт счастливых детей. Не о машинисте – он сам о себе плачет.

О себе поплачьте. Себя пожалейте.

Мальчик с разбитыми коленками

Тайная комната есть в каждой средней школе. Обычно она находится там, где раздевалка, и если прислушаться, то за стеной можно различить шорохи и скрип гусиного пера по бумаге – это шумят Отверженные. Они Изгои на время, лишь пока не достигнут возраста инициации, а завтра именно эти дети станут президентами, министрами, олигархами, на худой конец, губернаторами. Их выбрали управлять миром. Хотя и среди них есть свой отбор, и не все будут занимать большие посты – не выдержат конкуренции.

Отверженные есть в каждой школе: их презирают сверстники, над ними издеваются на переменах. Но это не страшно – так надо. Они должны пройти через страдания, чтобы стать жестокими. Они должны учиться жизни и наукам.

Изгоями становятся редкие счастливцы, которых выбирают ещё в начальной школе педагоги, вызывающие ужас: некрасивые учительницы с безучастным взглядом и учителя с механическими неживыми движениями. Школьника ставят перед выбором: либо он станет тем, кем ему предлагают, либо умрёт от страшной болезни. Кстати, соглашаются не все: мешает первобытный страх, его можно сравнить только с тем чувством, которое испытывает человек перед первой половой близостью. Но это сильнее.

Наводит ужас не только преподаватель, но и кабинет. В нём холодно, бездушно, пусто, как на Луне…

Как бы ни ответил ученик, педагог сделает некое подобие улыбки, подойдёт и погладит ребёнка по голове, и от этого в нутро проникнет абсолютный вакуум, от которого сожмутся внутренности, и даже сердце скакнёт и остановится, а во рту высохнет. Только если ребёнок наблюдателен, то он сможет понять, что стало тому причиной: тело учителя ничем не пахнет, запаха нет, – и это отчётливо чувствуется в кабинете, где тихо и пусто, где каждый предмет вызывает острую тревогу.

А потом или смерть или долгие занятия в тайной комнате без окон, в которой говорят только шёпотом… На стенах, на полу стоят свечи. Дети переписывают книги пером и чернилами, и каждый день всё, что переписали, они должны пересказать педагогу. Здесь не наказывают за неуспеваемость: после третьей оплошности ученик пропадает без вести…

На стене каждой комнаты Отверженных висит странный портрет мальчика с разбитыми коленками. Педагоги учат относиться к изображению трепетно, словно к Богу. И ясно – в портрете разгадка тайны.

Среди Отверженных ходят слухи, что это не мальчик, а образ души умершего ребёнка. Общий образ всех безвременно умерших детей в одной картине, где каждый мазок выражает уныние и страдания. Ребенок тоскует по родителям и жизни – обыкновенной жизни, как у всех.

Некоторые ученики думают, что Общество Отверженных создал Ленин, другие утверждают – Ломоносов. Однако причём тогда здесь мальчик с разбитыми коленями? Мне кажется боже правдоподобной другая версия: общество основал художник, который написал эту страшную картину.

Отверженным приходится вести двойную жизнь. Они почти не появляются дома, но родители этого не замечают. Уже став взрослыми, бывшие Отверженные много думают о том, почему их родители ничего не заподозрили. Большинство считает, что к родителям в их образе приходил тот самый мальчик с портрета. Мертвый ребёнок брал плату родительским теплом, которого из-за недолгой жизни ему почти не досталось.

Может быть так, а может быть иначе… На самом деле разгадки всего этого нет и к концу обучения Отверженные понимают, что тайна, частью которой они стали, боже древняя, чем может себе представить человек, она вбирает в себя и Ломоносова, и Ленина, и художника…

Но время думать появляется только потом, а до этого вечером и ночью ученики переписывают книги, а днём появляются в классе. Простые дети их ненавидят и бьют, потому что чувствуют – другие они, непонятные. Чувствуют, что Отверженные главные, а они лишь декорации для их будущей игры, и за это простые дети мстят, пока ещё возможно. Отверженных бьют и всячески унижают. Если могут… Некоторые уже в школе собирают вокруг себя ровесников, становятся лидерами. Педагоги им не мешают.

После школы Отверженный поступит в институт или займётся чем-то другим, но всюду ангелом-хранителем его будет сопровождать мальчик с портрета. Он будет спасать от беды, приносить удачу. И однажды избранный займёт в обществе высокое место, которое заслужил и выкупил у странного духа.

До конца дней ангелом-хранителем избранного будет тот мальчик. Но при всех удачах, деньгах и власти с каждым годом человеку будет тоскливей. И не будет средства от этой меланхолии. А всё потому, что не может мёртвый мальчик принести радость живому человеку. Только скорбь и печаль.

Метафизические черви

Бывает так: уверены вы в чём-то на все сто процентов, но вдруг кто-то говорит вам на белое – чёрное. Вы, конечно, спорите, отстаиваете то, в чём уверены. Но понимаете, что засомневались почему-то.

И чем больше проходит времени, тем меньше у вас остаётся уверенности в себе. Придет день, и вам в белом начнёт мерещиться чёрное и наоборот.

Это в ваш мозг проникли метафизические черви.

Черви очень опасны, они передаются от человека к человеку через уши. Процессы, которые они вызывают, необратимы для души. Зараженный человек выплевывает червей изо рта при разговоре, часть их попадает на оппонента, после чего черви ползут к ушам.

«Не вешай мне лапшу на уши!» – говорим мы и не подозреваем, что это древнейший заговор от метафизических червей. Раньше все люди знали об их существовании и пытались защищаться с помощью этих слов.

Проникнув через слуховой проход в тело, черви пожирают энергию мозга и души. Люди, поражённые заболеванием, в скором времени начинают сомневаться в себе и верить в вещи, которые раньше отрицали. Это первый этап болезни.

Единицы имеют стойкий иммунитет к заболеванию (душа и мозг подобных людей червям не по зубам), но таких мало. У большинства болезнь развивается медленно, и они успевают умереть от старости, прежде чем черви обескровят их мозг и уничтожат душу полностью.

Те, кому везёт меньше, до смерти тела ведут полусознательное существование. Их представление о мире искажено и искажается с каждым днём. В конце концов они перестают различать цвета и оттенки, всё сужается до чёрного и белого. Они понимают, что мир простой до тупости. Все попытки рассказать им о цветах радуги наталкиваются на агрессию. Так проходят второй и третий этапы болезни.

На последнем, четвёртом этапе, заражённые уже путают чёрное с белым и наоборот…

Утрата себя и понимания мира ведет к потере бессмертия души: она, источенная червями, умирает. Особи, поражённые болезнью, чувствуют свою метафизическую ущербность, и от этого раздражительны и агрессивны. Страх перед Бездной заставляет их делать самые неадекватные поступки. Многие в свои последние дни стараются заразить как можно больше людей.

Подцепить метафизическую заразу можно не только в прямом разговоре, но и через Интернет, телевизор, телефон, радио, газеты, письма. Будьте осторожны. Если вы перестали видеть цвета радуги, и вам вдруг стало ясно – всё; то мой совет – застрелитесь. Таким образом вы прервёте одну из цепочек заражений и избавите себя от страданий. А главное, вы спасёте от разложения души окружающих!

Безнадёга

Сквозь голые ветки мелькало небо. Водитель набирал скорость… Снег этой зимой еще не выпал, но холод стоял жуткий – минус двадцать пять. Это был второй день мороза – зима только начиналась. Олег представил, как сейчас зябко в лесу.

Водитель-татарин, сухой, жилистый, похожий на шайтана, время от времени крутил головой и самодовольно говорил: «Как надо приедем», «Я за два часа двести километров даю», «Три часа ночи только». На него никто не обращал внимания. Олег и тучная, хорошо одетая женщина, сидевшая с ним рядом на заднем сидении, думали каждый о своём. «Интересно, сколько ей лет? Наверно, пятьдесят», – думал Олег.

Двойной подбородок, напомаженные лиловым тонкие-тонкие губы… Она носила очки, огромные, на пол-лица – стёкла увеличивали глаза. Могло быть и хуже.

Олег посмотрел на женщину, стараясь сделать это незаметно. Она ответила серьёзным взглядом… В салоне пахло старыми окурками.

Такая своего не упустит. Олег работал в газете всего третий месяц, но от сотрудников слышал о ней очень много. Женщина пришла в газету простым менеджером и за короткий

срок смогла заручиться поддержкой генерального директора и редактора, сместить директора по рекламе и занять его место. Беспощадная!

Детей у нее не было. Из мужа давно сделала жалкое существо, которое движения не делает без её одобрительного кивка. Он часто приходил в редакцию. Бледный, всегда напуганный и покорный.

Олег смотрел под зеркальце на брелок – пластиковая длинноногая девушка с торчащими огромными грудями качалась, как маятник. Вправо – влево, вправо – влево.

Женщина отчего-то жалела Олега. Они познакомились с ней в день, когда он первый раз пришёл в газету. И женщина с первого дня стала ему покровительствовать. Редактору она говорила об Олеге только лестное. Если намечалась рекламная статья на полосу, она обязательно назначала автором Олега: «Так великолепно, как он, у нас больше никто не пишет». Иногда статья у него не получалась, рекламодатель был не доволен. Но женщина всегда Олега прикрывала.

Для провинциального журналиста, который ещё даже не окончил университет, работать в корпункте знаменитой газеты было великим счастьем. Он получал за статьи московские гонорары, с которыми в Казани можно было жить не просто, а с размахом… Он любил быть щедрым, обожал дорогой алкоголь, рестораны, клубы, обожал женщин, курить с ними в постели, тратиться на них.

Последнее время Олег жил полнокровно. Кроме денег, у него было и какое-то признание. Например, однокурсники считали его талантом, будущей звездой и очень уважали. Кто-то, конечно, завидовал. Но не вредил…

Пластиковая девушка покачивалась, пахло окурками. Женщина положила его руку к себе на бедро. Он погладил. «Эту командировку вдвоём она придумала специально».

Он вспомнил, что женщина ровесница матери.

Мать жила в деревне около Казани, всего лишь в трёх километрах от города, но они не виделись два года.

Женщина направила его руку. Он почувствовал отвращение, но превозмог, расстегнул, подлез, погладил.

Она спустила свои брюки, потянула его голову вниз. Олег напряг шею, отстраняясь, но потом сдался. Перед тем как нагнуться, он зачем-то посмотрел на качающуюся под зеркалом девушку. «Виселица какая-то…», – подумал Олег. Мельком увидел в зеркале взгляд татарина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.